

Всеволод

ГЛУХОВЦЕВ

КОН

СОР

ЦИ

У
М

Всеволод Олегович Глуховцев

Консорциум

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6317428

Аннотация

Выпускник экономического факультета Максим Полканов никак не ожидал, что ему сразу выпадет такая удача: попасть на работу в риэлторскую фирму, да еще на престижный район города с достаточно дорогой недвижимостью, тогда как опытные сотрудники остались каждый на своем месте. Но понемногу втянувшись в работу, он понял, что этот район пользуется среди риэлторов дурной славой, из-за одной странной, словно бы проклятой квартиры, которая несет смерть или бесследное исчезновение любому, кто хоть как-то прикоснется к ней. Загадочная жуть неудержимо влечет к себе Максима, любопытство превозмогает опаску, и он решает разгадать тайну, совершенно не представляя, в какой водоворот событий это его втянет...

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	52
Часть вторая	76
Глава 1	76
Глава 2	97
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Всеволод Глуховцев

Консорциум

Часть первая

Глава 1

1

– Хорошо, – сказал хозяин и насупился – словно знал, что соврал, и ничего хорошего на самом деле нет.

Максим постарался этого не заметить. Он не был до конца уверен, что принят и боялся спугнуть удачу. Не то, что бы словом – о том и думать не могли! – но случайным взглядом, ухмылкой, каким-то жестом... Поэтому сидел прямо, смотрел открыто, улыбался дружелюбно – все по учебнику «Психология делового общения». Хотя... хотя иной раз ему казалось, что шефу глубоко плевать на то, как ведет себя его будущий подчиненный. По этой самой психологии у Максима всегда были отличные оценки, и совсем не из-за усердной зубрежки – нет, ему было интересно это дело, и он вправду

научился разбираться если не в людях вообще, то в человеческих мотивах и реакциях точно. И сейчас он видел, что сидящий напротив дородный мужчина в дорогом костюме, одновременно пролистывающий бумаги, поглядывающий в монитор компьютера и отсылающий СМС-ки по мобильнику, совершает все эти действия механически. А мысли его заняты чем-то куда более важным... и это важное как будто не очень приятное.

Максим еще раз мельком глянул и изменил формулировку с «не очень приятное» на «очень неприятное». Что-то сильно гложет душу хозяина риэлторского агентства «Олимп».

М-да. Начало могло быть и получше...

Но он отогнал и эту мысль. Фигня! Прорвемся.

Максим Полканов обрел диплом бакалавра месяц тому назад. Специальность – финансовый менеджмент. С такой профессией, казалось бы, везде распахнуты дороги... да не тут-то было.

Конечно, во время учебы Максим работал – продавцом в торговом центре – и за полгода до защиты диплома начал рассылать свои данные во множество организаций... но либо получал вежливый отказ, либо его резюме исчезали в безмерном пространстве этого мира. После десятого минуса Максим несколько приуныл, произнес расхожую мудрость: «Жизнь – сложная штука...» и начал привыкать к мысли, что ему и впредь придется работать все тем же продавцом,

только с гордыми буквами в/о в графе «образование» служебной анкеты, стараясь черепашьям шагом взбираться по служебной лестнице. Вот и защита состоялась, вот и лето пошло... Полканов, конечно, продолжал рассылку резюме, но скорее по инерции, теперь надеясь больше на осень, даже успокоился как-то. И только свыкся с этим – бац! – и пришел ответ. Агентство недвижимости «Олимп» приглашает на собеседование.

Прочтя это письмо, Максим сперва онемел от счастья, тут же отбил согласие: явлюсь обязательно! – и лишь после этого стал думать, что бы это значило.

Агентство «Олимп» было в городе на слуху. Реклама, са-рафанное радио – горожане, так или иначе сталкивавшиеся с проблемой жилплощади, сталкивались и с «Олимпом», чуть было не столкнулся в свое время и студент Максим Полканов, приезжий из другого города... однако, в конце концов снял квартиру через знакомых. Но фирму запомнил. И вот она через несколько лет сама напомнила о себе.

Весь день Максим, окрыленный, почти летал: сразу после ВУЗа попасть в число риэлторов – редкая удача, почти чудо! Правда, не попал еще, остужал он себя, еще только собеседование... но и это уже неплохо. Даже не верится.

Так, до конца не веря, молодой человек и явился на собеседование, ответил на вопросы и услышал вот это самое:
– Хорошо.

Хозяин агентства посмотрел что-то в компьютере, хмык-

нул, вздохнул и произнес:

– Ну ладно. В общем, Максим...

– Андреевич.

– Да. В общем, вы нам подходите.

О, Господи! Звезды посыпались с дивных небес, воздух показался вдруг напоенным ароматами роз, жасмина и еще чего-то столь же благоуханного... Впрочем, Полканов тут же одернул себя: не расслабляйся, Макс. Главное, не расслабляйся!..

Он сдержанно откашлялся:

– Спасибо. Постараюсь оправдать доверие.

– Постарайтесь, – буркнул босс, достал бумагу с мелким шрифтом: – Вот договор. Изучите, и если нет вопросов, подписывайте. Есть вопросы – задавайте.

У Максима вопросов не оказалось. Правду сказать, он и договор-то прочел галопом, хотя вид, конечно, при этом делал умный, помня о реноме. Но слишком сильным было ощущение фортуны, схваченной за хвост – такое бывает если не раз в жизни, то раз в десять лет точно – а потому о вопросах Максим даже не думал. Он еще раз кашлянул по-серьезнее:

– Изучил. Возражений нет, – и подписал контракт. Подписал и хозяин, вызвал секретаршу:

– Оформите.

Та кивнула, взяла бумаги и вышла.

– Когда я могу приступить к работе? – деловито спросил

Максим.

– Да прямо сейчас, – был четкий ответ. – В нашем деле простой недопустимы. Разумеется, на первых порах старшие товарищи помогут, ну а там...

– Понятно, – Максим кивнул.

– А раз понятно, то идем, – шеф грузно поднялся, Полканов проворно вскочил тоже.

Прошли в рабочий зал, тесноватое помещение, где за компьютерами сидели несколько сотрудников, мужчин и женщин, и всего один клиент – мужчина средних лет. Он сидел и сосредоточенно изучал какой-то длинный список.

– Внимание, – властно произнес начальник, и в зале стало совсем тихо, хотя и прежде было негромко. – Это наш новый работник, Полканов Максим Андреевич. Будет работать на втором участке. В первые дни ему понадобится ваша помощь, так что сами понимаете... Кстати, где Кольцов?

– Покурить вышел, – поспешила доложить одна из сотрудниц. – Сейчас придет.

Когда его представили, Максим вежливо поклонился всем. Фраза про второй участок, как ему показалось, была произнесена с каким-то особым ударением... а может, и вправду только показалось, кто знает. Шеф как будто еще хотел что-то добавить, но тут открылась входная дверь, в помещение шагнул рослый светловолосый парень.

– Ага, – сказал хозяин, – вот все и в сборе... Ну что, Дима, кончились твои привилегии. Теперь ты не самый молодой в

фирме. Познакомьтесь, – он слегка подтолкнул Полканова.
– Максим, – тот протянул руку.
– Дмитрий, – блондин улыбнулся, ответил дружеским рукопожатием. – Кольцов. На второй сектор?
– Да, – быстро сказал за Максима шеф и в тоне отчетливо проскользнуло недовольство. – Не задавай лишних вопросов! Ты же умный парень, да?
– Ну, стараюсь...
– Вот старайся и впредь. Поручаю Полканова тебе. Введешь в курс! Срок – три дня. Все!

2

Максим откинулся на мягко пружинящую спинку офисного кресла, с силой зажмурился, разжмурился, затем осторожно помассировал пальцами веки. Глаза устали от однообразия скучных строчек: площадь... этажность... материал стен... цена. Трудовые будни риэлтора! – в которые Максим Полканов уже начал вращаться.

Он был парень сообразительный, все хватал на лету, да и наставник его Дима Кольцов оказался на высоте: живо объяснил, как пользоваться встроенными в компьютер программами, да и потом на все Максимовы вопросы отвечал толково и полно. Собственно, он один во всем коллективе произвел впечатление общительного, приветливого человека. Остальные – Максим их и не разглядел еще как следует

– сидели, каждый уткнувшись в свою работу, если переговаривались, то негромко, двумя-тремя словами... и вновь тишина, только шелест бумаги, да легкий стук пальцев по клавишам.

Максим и прежде предполагал, что агенты по торговле недвижимостью не самый веселый и раскованный народ на белом свете... но такого сурового безмолвия как-то не ожидал. Ну, то что за все утро в офис заглянули только двое клиентов, да еще парочка позвонила – это понятно: Дима сразу объяснил, что лето у риэлторов сезон самый неурожайный: отпуска, дачи, южные моря... дело ясное. Но вот почему персонал как воды в рот набрал и меж собой почти не общается?!..

Конечно, Максим как психолог-любитель, и на это нашел ответ. Неладно что-то в коллективе, решил он. Нездоровая обстановка, конфликты... Сразу и объяснилось, почему открылась вакансия: кто-то не выдержал противной обстановки, плюнул и ушел. А наивный дурачок Макс Полканов на это дело клюнул... Ладно, прорвемся! Это все можно пережить, главное – опыта набраться, проявить себя. Да вот и Димка, видно, парень нормальный, с ним можно сработаться. А с прочими – сухие, деловые отношения, и непременно в стороне от всяких ссор и дразг... Конфликтологию студент Полканов тоже изучал старательно.

Осваивая рабочее место, он неявно, но все же ощущал присутствие бывшего владельца. Ручки, карандаши, ка-

кое-то причудливое расположение файлов и папок на экране компьютера... Максим поймал себя на том, что думает об ушедшем в мужском роде, хотя знать не знает, кто тут работал. Стало любопытно, но Максим вполне разумно решил пока придержать эту тему.

– Макс! – тихонько окликнули справа.

Полканов повернулся. Дима, улыбаясь, выглядывал из-за монитора.

– Покурим?

Максим чуть было не брякнул, что не курит, но вмиг смекнул, что в этом «покурим» может скрываться что-то большее и охотно откликнулся:

– Идем.

Сошли с крыльца, остановились чуть в сторонке. День был чудесный, ясный, теплый и не жаркий. Дима тряхнул пачкой:

– Прошу!

– Спасибо, – Максим усмехнулся. – Вообще-то я не курю.

Дима понимающе кивнул, сунул сигарету в рот, щелкнул зажигалкой. Максим продолжил:

– Я хотел кое-что спросить... тет-а-тет, как говорится.

– М-м... – благожелательно промычал Дима, глубоко затянувшись. Максим воодушевился:

– Я что хотел... Первый рабочий день как-никак, мне ведь наверное того... проставиться бы, что ли, стол накрыть. По-советуй!

Дима сделал паузу – секунды три, не больше – но все же

это была пауза. И после нее сказал:

– Нет. Здесь так не принято. У всех семьи, всем скорей домой... нет, не стоит.

– Тебе тоже?

– Э, нет! – Дима рассмеялся. – Я пока холостой, слава Богу. И еще годика три-четыре думаю на свободе погулять.

– Так может, тогда после работы по пивку?

– Это можно.

– Ну и отлично! – Максим искренне обрадовался. – А ты вообще давно здесь работаешь?

– С полгода.

– Ага... – протянул Полканов, хотел еще кое-что спросить, но тут на крыльцо вышел босс, в застегнутом костюме, с папкой.

– Все курим? – спросил он хмуровато.

– Две минуты, Виталий Иванович! – бойко отчеканил Дима. – Уже идем! Пошли, Макс.

– Пошли, – кивнул тот.

Вернулись к работе. Вновь потекли перед взглядом цифры, скучные слова... Еще один вопрос начал занимать Максима – точнее, он сразу же обратил внимание на это обстоятельство, но чем дальше, тем больше разжигалось его любопытство. Почему?.. – спрашивал себя Полканов и не находил ответа. И тем интереснее казался ему предстоящий разговор с Кольцовым.

Вечерний город сдержанно шумел: быстро, кафе, развлекательные комплексы наполнялись людьми, чтобы через час греметь музыкой, хохотом, воплями восторга... Пока же это только предвкушалось, веселое оживление нарастало, и разговаривать можно было вполне нормально, без надрыва.

Парни взяли по кружке пива, всякой хрустящей дребедени, сели в укромном уголке. Сделали по первому доброму глотку, ощутили блаженство... Дима закурил, придвинул пепельницу.

– Ну как тебе наша контора? Первые впечатления, говорят, самые верные... Не бойся, – добавил он интимным тоном, – дальше меня не пойдет.

– Верю, – Максим улыбнулся.

Он опустошил уже пол-кружки, в голове начиналось приятное брожение, мир вокруг начал меняться к лучшему... – Верю, – повторил Максим и еще глотнул пива. – Мои впечатления? Станные, честно говоря. Противоречивые. С одной стороны, найти такую работу сразу после института... ну, это почти фантастика. Но с другой...

Дима засмеялся:

– С другой – как в похоронное бюро попал, да?

– Ну, бюро-не бюро... Однако, народец у вас смурной, что верно, то верно. Слушай, ты-то как с ними?! Или, может, это

они при мне так погасились? Новенький, мол, незнакомый...

– Да нет, – щурясь от дыма, Кольцов раздавил окурок в пепельнице. – Не в этом дело. Как, говоришь, я с ними?.. Да никак! Работа есть работа. А после работы – до свиданья. И кто куда. Да это и нормально, я считаю. Деньги приличные, а прочее – твоя личная жизнь. Ради таких бабок можно и потерпеть.

– Хм, – Максима это озадачило. – Так ты терпишь?

Дима пожал плечами:

– Ну, праздником души это не назовешь, но у меня в других местах праздники.

– Ага... А ты кого сменил здесь?

– Никого. Контора расширилась – на рынке дикий всплеск тогда был.

– Повезло.

– Можно и так сказать. Ну вот – пришел, приняли. Так и тружусь.

– Ясно.

Максим уже знал, что в ведомстве Дмитрия Кольцова находится четвертый сектор. Весь город, включая пригороды, сады-огороды, коттеджные поселки и тому подобное, разделен был на шесть участков, каждым из которых оперировал один риэлтор...

Полканов поинтересовался: а было ли такое, что кто-нибудь хитрым образом забредал на чужую территорию? Но Кольцов отрицательно мотнул головой. Риэлторы народ

дошлый, репутацию берегли дороже денег, поскольку она и есть главные деньги – потому нейтралитет соблюдался железный.

– Имей в виду, – наставительно сказал Дима, – мирок этот тесный, все друг друга знают. Пойдет дурная слава... считай, все. Не отмоешься.

– Ясно, – Максим подумал, что это на самом деле ценная информация – и вспомнил то главное, что хотел спросить у Димы.

– Да! – воскликнул он. – Тут вот еще одно дело меня зацепило. Сектор-то мой второй... я, конечно, пока не большой спец, но тут и спецом быть не надо: видно же, что район-то дорогой! Это ж не пролетарский спальник какой-нибудь. Почти центр! У других-то похуже будет, а меня сразу вот так на хлебное место кинули... Это как понять? И еще: кто до меня работал, он почему ушел? С такого-то места!.. Вот для меня загадка. Жду разгадки!

Максим сказал это полушутливо, как бы предлагая собеседнику дружеский, полушутливый тон разговора... но ничего подобного в ответ не получил.

Дима помрачнел. Вынул сигарету, покатал в пальцах... и сунул обратно в пачку. Взял кружку, залпом проглотил остаток. Вздохнул, как перед тяжелой работой и сказал:

– Слушай... Может, еще по одной?

– Можно, – удивленно сказал Максим. – Только... на вопрос-то ты мне не ответил?

– Отвечу, – пообещал Дима. – Я ж говорю: давай еще по кружке. Под такой разговор самое то.

4

Ночь казалась темной и тихой – больше, чем любая другая ночь.

Максим стоял на балконе с банкой пива в руке. Пить не хотелось, но сама процедура помогала думать. Максим делал маленький глоток, ощущал, как жидкость идет по пищеводу, ощущал ее вкус...

И думал над тем, что рассказал Кольцов.

Тогда в бистро, вернувшись с двумя полными кружками, Дима сперва отхлебнул, потом закурил, с полминуты дымил молча и наконец, произнес:

– Ну, рано или поздно все равно узнаешь... Но на всякий случай: я тебе ничего не говорил. Есть?

– Ладно, – брякнул ошарашенный Максим. – А почему...
Постой, я что-то не въезжаю!..

– Да я и сам ни черта понять не могу, – с досадой сознался Дима и тут же перебил и себя и Максима, порывавшегося сказать свое: – погоди! Давай так: я буду говорить как знаю. А ты слушай! Вопросы – по ходу дела. Идет?

Полканов лишь кивнул на это. Кивнул и Дима.

– Короче так. Я тебе соврал. Я пришел, когда четвертый участок освободился. С него на второй перешел тот, кто ра-

ботал до тебя... Сергей его звали. В общем, он пропал.

– Как... пропал?

– Да вот так. Исчез без следа.

Глава 2

1

Дмитрий Кольцов попал в фирму «Олимп» по странному стечению обстоятельств.

Он занимался мелким бизнесом – по принципу «что нашел, то и перепродал», звезд с неба не хватал, но хлеб с маслом добывал. Личную жизнь вел холостую, удалую, свободу оберегал свято, потому домой никого не приглашал, мужские дела справлял на съемных квартирах. И вот как-то по одному такому делу понадобилась жилплощадь на ночь, Дима пробежался по газетным объявлениям, выбрал, позвонил. Ответил вежливый, приятный мужской голос, сразу к себе расположил, цену назвал умеренную – Дима согласился. Встретились.

Маклер оказался парнем чуть постарше Кольцова, представился Сергеем. Манеры у него были еще более обходительные, чем голос, молодые люди разговорились, быстро перешли на «ты». Диму так и подмывало в шутку называть риэлтора графом или там бароном – очень уж это подходило к нему... «Граф» честно признался, что работает в агентстве недвижимости, но пустующие квартиры сдает левым образом, минуя агентство – связи и опыт позволяют. Дима так

же честно ответил, что собирается провести веселую ночь с барышней... и лицо Сергея при этом неожиданно изменилось.

– Что-то не так? – Дима слегка приподнял брови.

– Что?.. Ах нет, что ты! На здоровье, как говорится... Это я так, вспомнил.

– Свое что-то?

– Нет. Не свое. Ладно, давай к делу... – и они договорились обо всем.

Дима и его пассия провели чудные вечер и ночь – с шампанским, ужином, брудершафтами, страстным сексом и скучным пробуждением. Сказка кончилась... Джентльмен Дима вызвал за свой счет такси, отправил девушку восвояси, а сам дождался Сергея. Тот пришел, убедился, что все чисто-прибрано, и видимо, это ему понравилось. Он спросил:

– Ты где работаешь?..

– Так, частный предприниматель. Купи-продай.

– Слушай, иди к нам в агентство! У нас как раз вакансия открылась...

Дима подумал – и решился. Предприятие свое он не закрыл, никто от него этого не требовал. А солидное место приобрел. Коммерческая жилка у него имелась, дело пошло. Правда, обстановка на работе очень уж не глянулась: коллеги хмурые, необщительные, на вопросы отвечали кое-как... Разве что с Сергеем Дима нашел общий язык – словом прошел примерно тот же путь, что и Максим Полканов месяцы

спустя, включая и неформальные разговоры. Можно сказать, Сергей с Димой подружились. По вечерам, сидя в какой-нибудь кафешке, Дима удивлялся и кипел куда хлеще Максима:

– ...что за народ, не пойму! Слова не вытянешь. И смотрят как на врага народа. Как будто я хлеб у них отбиваю. Или пугаю их как привидение какое! Нет, ну тебе-то спасибо, конечно...

Сергей отдал Кольцову четвертый участок, сам перешел на второй – и очень помог Диме в освоении своего бывшего сектора. Дима ценил это и в разговорах педалировал, что ничуть не собирается посягать на регионы коллег. Сергей слушал, сочувственно кивал, но ничего внятного пока не говорил.

Как потом выяснилось, он выжидал.

Наверное, он хотел проверить Дмитрия Кольцова, убедиться, что тот не пустое трепло, что можно ему доверять полностью. Убедился. И тогда решил открыться.

Дима навсегда запомнил этот день в начале зимы: суббота, сокращенный режим работы. Как обычно, они с Сергеем вышли вместе, Дима предложил «посидеть», Сергей кивнул. И они дружно зашагали в сторону городского парка – была там у них излюбленная забегаловка. Но лишь зашли в парк, как Сергей вдруг приостановился, взял товарища за локоть:

– Подожди-ка, Димыч. Вот что... давай лучше пройдемся, воздухом подышим. И я тебе кое-что сказать хочу.

– Интересное? – у Димы было отличное настроение, но

Сергей улыбнулся в ответ как-то бледно:

– Как сказать... На любителя, наверное.

– Ты считаешь, что я и есть любитель?

– Пока не знаю. Но рассказать я могу только тебе, больше никому.

Эти простые слова были сказаны так, что с Димы вмиг слетел шуточный тон. Сергей был серьезен.

– Ну, если так... тогда слушаю, – Дима тоже посерьезнел.

– Прогуляемся, – Сергей указал взглядом на длинную аллею, уходящую в дальний безлюдный край парка.

Дима смерил глазами длинное снежное пространство и явственно ощутил, как странный холодок пробежал по спине.

– Ну, пошли, – сказал он.

2

Потом Дима много раз задавал себе вопрос: ожидал ли он услышать то, что услышал?.. Конечно, он знать не знал о тех событиях, которые были известны Сергею, но узнав, не мог не признаться, что именно это и должно было случиться где-то рядом с ним, Дмитрием Кольцовым. Уверен был в этом! И не смог бы объяснить, откуда взялась эта уверенность.

Мрачная обстановка в «Олимпе» была отнюдь не всегда. Дружбы, правда, особой не наблюдалось, но и мумиями бессловесными не сидели: женщины находили время обсудить

свои склянки и тряпки, мужики, понятное дело, трепались о футболе, бабах своих и чужих, иногда и о работе. Риэлтор – профессия не хуже других, и в ней складывается свой фольклор, свои легенды... в общем, все как положено.

Мужчины в «Олимпе» были все не старше сорока. Владение информацией по жилплощади очень помогало им разнообразить личную жизнь. Грешили потихоньку и холостые и женатые – аккуратно, без излишеств, жалоб от клиентов не поступало. Все делалось шито-крыто.

И вот однажды самый старший из сотрудников, некто Евгений Ильич, собаку съевший на торговле недвижимостью – с усмешкой поведал, что впервые за всю карьеру столкнулся с неразрешимой проблемой.

– Квартиру не могу продать, – делился он. – Первый раз со мной напасть такая!

И рассказал историю – простую и жуткую.

С незапамятных времен жил в хрущевке-двушке тихий старый холостяк, за которым водились некоторые странности и которого недолюбливал кое-кто из соседей, хотя этот дядька – не такой уж, впрочем, и старый, малость за шестьдесят – ничего плохого вроде бы не делал. Жил нелюдимо, невесть чем занимался – ну да это ведь не криминал, и никого он этим не напрягал...

И вдруг он пропал.

Это заметили не сразу. Просто соседки во дворе судачили о своем о бабьем, и одна вдруг спохватилась:

– Ой, девоньки! А вы не заметили, что-то давно Кузьми-ча-то этого... ну, из семьдесят первой, не видать? Уехал куда, что ль?

– Да ну, скажешь, – другая махнула рукой. – Только вчера видела. Иду из магазина, глаза подняла случайно – батюшки-светы, а он прям в окне стоит, смотрит. Да стоит-то, холера, как-то так, рожей чуть не в стекло, бельма вылупил, не моргнет. Как упырь какой!

– Ах, девочки, это правда, – подхватила третья, интеллигентная бабулька. – Вы знаете, я за ним давно замечала что-то неприятное, даже зловещее...

И разговор съехал в сторону колдунов, ведьм и прочей чертовщины, с обязательным упоминанием того, как «у нас в деревне одна ворожея насылала порчу, и потом черная птица по ночам летала, в окна билась...» Языками трясли часа полтора.

Поболтали и забыли. Прошло еще несколько дней.

Этот странный мужик обитал, стало быть, в 71-й квартире, а в 72-й жила не очень молодая дама, по профессии фельдшер Скорой помощи. Возвращаясь с работы, она задержалась на площадке – копалась в сумочке, не могла отыскать ключи. И тут...

Сперва она решила, что почудилось. Ключи нашла, стала отпирать замок, но мысль уже не давала покоя... она шагнула к соседской двери, прислушалась, нюхнула поглубже...

И сомнений не осталось.

Она была особа твердая, решительная, а кроме того, знала всю формальную сторону дела. Через минуту она уже названивала во все инстанции, а через полчаса на площадке толклись капитан-участковый, бригада «Скорой», дежурный слесарь из домоуправления, а также любопытные жильцы, невесть как узнавшие о событии.

Фельдшерица горячо доказывала:

– Да я этот запах ни с чем не спутаю! Так только тленом пахнет, трупом. Вот и ребята не дадут соврать!

Ребята, врач и фельдшер, мрачно кивали, участковый же, сколь ни старался, ничего не мог унюхать – за многие годы суровой ментовской службы и употребления спиртных напитков обоняние сильно стерлось. Принимать крайние меры капитану не хотелось.

– Черт его знает... вот так вскрыешь, а там ничего, так мне же и по шапке... – вяло бубнил он, а оглянувшись, делал болезненное лицо и прикрикивал: – Граждане, разойдитесь, сколько раз повторять! Кино вам здесь, что ли?!..

Но граждане, изнывая от любопытства, расходиться ни за что не хотели.

Наконец доктор, рослый дядя, подошел вплотную к двери, потянул носом... и многозначительно взглянул на участкового.

– Гм!.. А ведь пожалуй, – веским голосом произнес он – и это решило дело. Капитан сморщился, вздохнул и велел слесарю:

– Ну, давай.

Старенькая, советских времен дверь жалобно крикнула, открылась, и в лица из безмолвной полутьмы дыхнуло так тяжело, что теперь и участковый перестал сомневаться.

Он, может быть, и пропил обоняние – но не опыт, соображал и действовал быстро. Одним движением руки он нашел выключатель – свет вспыхнул – одним движением корпуса повернул на кухню, включил свет там.

Он не ошибся.

– М-да, – произнес он и помахал рукой, как бы разгоняя смрадный дух – движенье в этой атмосфере совсем лишнее, но так уж проявила себя капитанская нервная система, которая у него присутствовала в общем, так же, как у всех прочих людей.

Труп висел в петле, выпучив незрячие глаза прямо участковому в лицо. Другой конец веревки был захлестнут за колено водопроводной трубы. Чисто, прибрано везде... только огромное пятно почти высохшей мочи под трупом дополняло картину этой страшной смерти.

Капитан усмехнулся: дело знакомое.

– Как всегда, – сказал он врачу. – Сколько висельников не видел, все вот так. Кто обоссется, кто обосрется...

– Да, – доктор был бесстрастен – тоже повидал всякого. – И с эякуляцией эпизоды бывают.

– Чего?

Медик популярно перевел с латыни на простой русский.

– А, – понял капитан. – Уж это точно, в говне родимся, в говне идохнем... Ладно, давай понятых. Оформлять будем.

3

Вот такой объект достался в работу Евгению Ильичу, риэлтору второго участка фирмы «Олимп». У покойника нашлись Бог весть какие дальние родственнички, седьмая вода на киселе, им и отошла квартира, но общаться с риэлтором напрямую они почему-то не пожелали, прислали адвоката.

Адвокат явился. Явилась. Евгений Ильич не ожидал, что придет женщина, потому что по телефону говорил мужской голос: глуховатый, не очень внятный, точно звонил он откуда-то с края Земли, маклеру пришлось напрягать слух, чтобы понять, что этому типу надо... ну, понял так, что этот голос и есть адвокат.

Ошибся. «Молодая», – подумал риэлтор, не присмотревшись толком к даме, но вот присмотрелся и увидел, что она не очень-то и молода. «Наштукатурилась, мымра...» – теперь подумал он.

Мадам под села к столу, заговорила деловым, холодноватым тоном. Он отвечал примерно так же – служебный, без эмоций разговор... Но скоро Евгений Иванович заметил, что ему как-то неуютно в компании с этой особой.

С чего бы это вдруг? Он попытался понять, что не так – и не понял. Ничего особенного в женщине не было... более

того, встретить ее где-нибудь на улице, Евгений Ильич, известный Дон-Жуан, и глазом бы не повел. Небольшая, сухонькая, личико никакое... но весь вид надменный и взгляд такой, будто бы она знает что-то такое, что не ведомо никому, и презирает всех за это невежество.

Евгению Ильичу стало интересно, но в какой-то миг он спохватился, что увлекся чересчур и прекратил морочить себя психологией. Дело есть дело. Он выслушал посетительницу, выяснил все подробности и сказал:

– Да уж. С такой биографией, знаете ли, продать будет непросто.

– Понимаю. И мой клиент понимает. Потому и не запрашивает дорого.

– Ну что ж, – маклер изобразил дежурную улыбку, – будем работать!

Когда адвокатша удалилась, он двинул к хозяину, описал ситуацию. Тот поморщился, почесал в затылке:

– М-да... Это дело не скроешь, потом хуже будет, когда всплывет. На такой скандал можно нарваться, что мама дорогая... Нет уж, говори все, что есть.

– Ничего! – бодро отозвался Евгений Ильич. – Поживем – увидим.

Однако, скверная квартира повисла на риэлторе и на конторе в целом безнадежным аутсайдером. Желающие-то находились: место отличное, квартира в хорошем состоянии... но стоило только узнать предысторию – как из пушки от-

шибало. Евгения Ильича подмывало утаить от покупателей страшные подробности, но он понимал, что репутация дороже. Иные изъявляли желание посмотреть – приезжали, смотрели. Лица были кислые. Евгений Ильич старался выглядеть бодрячком, улыбался, держался открыто и достойно... но толку ноль. Смотрели, неохотно говорили: «Подумаем... позвоним...» но не звонили, и вообще пропадали наглухо.

Лишь один молодой мужчина оказался лишен предрас- судков.

– Хрень все это, – заявил он. – Мертвяки все на кладбище. И мы там будем. А пока – живем!

От таких слов воспрянул и Евгений Ильич. Но ненадолго. Через пару часов этот парень перезвонил, и голос у него был куда менее парадный.

– Тут это, – смущенно промямлил он, – такое дело... я своей рассказал, так она мне такие вилы прописала... Короче, хочет взглянуть.

Договорились на завтра. В полдень. Евгений Ильич мысленно вздохнул... и оказался прав.

Без пяти двенадцать встретились у подъезда. Молодой супруг язык прикусил, все помалкивал. Собственно, и супруга не очень разговаривала, но сразу было видно, что в этой паре ведет она, а он так, балабол.

Риэлтора удивила ее внешность: блондинка с огромными темными глазами, настолько темными, что зрачки сливались с радужкой в одно целое. И смотрела этими глазищами тре-

можно – Евгению Петровичу стало чуть-чуть не по себе. Но он улыбнулся.

– Здравствуйте! Готовы? Ну, идемте.

Когда вошли, женщина заметно побледнела. Она сделала несколько шагов, замерла – и через миг двинулась на кухню. Остановилась там.

– Здесь, – негромко сказала она, глядя вверх – на ту самую трубу.

«Ведьма», – пронеслось в голове Евгения Ильича. А женщина подошла к подоконнику, взглянула в окно и быстро отошла.

– Нет, – сказала она с силой. – Нет! Мы здесь жить не будем. Никогда!

И ее точно вынесло. Муж виновато развел руками:

– Ну, тут я не это... Бабу ведь не переспоришь. Ума-то нету...

Маклер не стал выяснять, у кого что есть. Он ощущал досаду оттого, что зря убил время, и в контору вернулся раздраженный. Разумеется он не стал трубить о своих неудачах, но потом, в узкой мужской компании, где присутствовал и Сергей, заявил:

– Да ну все это к черту! Купят-не купят... видно будет. А я пока устрою-ка там очаг свободной любви!

Сильная половина «Олимпа» свято блюла принцип мужской солидарности: в таких делах никто никого не сдавал. Сергей лишь усомнился:

– И никаких комплексов на тему?

Старший коллега отмахнулся:

– Пусть психи всякие комплексуют. Мне этим заниматься некогда!

4

В этом месте Диминого рассказа Максим вскинул руку:

– Стой! Это все тебе Сергей рассказывал?

Дима кивнул.

– А ты сам этого Евгения Ильича не знал?

Дима кривовато усмехнулся:

– Не успел.

Возникла секундная пауза. Максим, кажется, начал понимать, что к чему... Но Дима уже продолжил рассказ.

Евгений Ильич был бабник еще тот, чем немало гордился. Может, он кое-что в своих рассказах и преувеличивал, кто знает. Но последний его роман с клиенткой случился самый натуральный, тут уж никаких сказок.

Мадам продавала опустевшую родительскую квартиру – замужняя тетка, двое детей, самой уже за сорок. В омут страсти она бросилась со всем пылом бальзаковского возраста, проще сказать – сдурела баба. Евгений Ильич просто офигевал, потом делился:

– Да со мной уже лет... ну, я не знаю сколько, с юности такого не было! Стоит как боевое знамя, а кончаю как из

пушки, – для экспрессии он вынужден был прибегнуть аж к батальным терминам. Страсти разворачивались там, где он и пообещал – в квартире злосчастного самоубийцы. Мужчина не стал скрывать от женщины мрачных подробностей, но это лишь подзавело ее, вулканы Эроса забушевали в зловещем пространстве... Евгений Ильич потом со смехом рассказывал об этом в кулуарах.

Сергей не был ханжой, но что-то корбило его в этих рассказах, что-то чудилось в них ненормально-лихорадочное. Он внутренне морщился, слушать было противно... но куда же деваться от корпоративной солидарности.

Другие слушатели смеялись, любопытствовали: как, мол, покойник вас терпит, не сердится?.. Евгений Ильич тоже смеялся, отвечал задорно, с матерком. Но однажды на шуточные расспросы дружков он ответил как-то неохотно.

Это было осенью, в конце сентября. Сергей навсегда запомнил тот день: дождь-не дождь, но какая-то мелкая морось, небо серое и настолько низкое, что казалось – лежит оно на городских крышах от усталости и тоски.

В перерыв трое коллег по «Олимпу» пообедали в недалней забегаловке. Обычно при этом смеялись, шутили, но сейчас разговор не клеился. Попытались подколоть Евгения Ильича на тему его мужских подвигов, но он отвечал рассеянно, иногда невпопад. Вообще, выглядел он странно, невесело задумчивым.

Сергей считал себя психологом. Понаблюдав за старшим

товарищем, он сделал вывод: что-то разладилось в адюльтере, затеянном взрослыми женато-замужними людьми с целью беззаботно поразвлечься... Непредвиденные заботы все же настигли любовничков. Может, мадам совсем уж обезумела от пламени страсти, достает маклера, и тот, не зная куда деваться, проклинает день и час, когда он клюнул на чары старой дуры... Может быть. Сергей немного погордился собственной проницательностью, но вообще думал об этом недолго.

Ненастный день был понедельник. Вторник случился по светлее, хотя тоже хмуроватый. Незадолго до обеда у Евгения Ильича зазвонил мобильник, он чертыхнулся, выскочил на крыльцо – не хотел, видно, чтобы его слушали. Говорил он минуты две, вернулся озабоченный. И на обед со всеми не пошел, быстренько куда-то смылся. Вернулся, впрочем, вовремя.

Надо сказать, что Сергей ценил в себе талант психолога не на пустом месте. Он заметил, что Евгений Ильич как на иголках, так и разбирало любопытство спросить... но не спросил, конечно.

А как только рабочий день кончился, Евгений Ильич сорвался с места, наспех попрощавшись – только его и видели.

Женская часть «Олимпа» переглянулась, усмехнулась ехидно. Сергей же почему-то испытал тревогу. Почему?.. черт его знает. И весь вечер настроение было плохим, все из рук валилось, чувствовал себя вялым, словно нечто высоса-

ло силы из него. Сидел, тупо пялился в телевизор, не очень слушая и понимая, что он там трюндит. И спать лег рано и уснул мгновенно – как в яму.

Что-то снилось – неясное, незримое, как ветер в ночном городе. Сергей просыпался, но не успев ничего понять и вспомнить, проваливался во тьму беспокойного сна.

Утром встал тоже разбитым, долго сидел на кровати, не мог собраться. Кое-как заставил себя встать... умыться, выпить кофе... уже за рулем он с глубокой тоской думал, что целый трудовой день впереди, надо будет разговаривать с клиентами, возиться с документами, выезжать на объекты... От этого всего выть хотелось, он ехал еле-еле, пока не спохватился, что так можно и опоздать, а уж чего люто не любит шеф Виталий Иванович, так это опозданий. Сергей поднажал на газ и успел.

Кто не успел – так это Евгений Ильич. Прошло пять минут, десять с начала дня... Шеф вышел из кабинета, встал грозовой тучей, руки в боки.

– Ну и где этот деятель? – пророкотал он, кивая на пустое рабочее место.

– Не было, Виталий Иваныч, – созналась соседка, располневшая молодуха лет тридцати.

– Так позвони ему! – резонно велел шеф.

Толстушка послушно заработала кнопками мобильного, поднесла к уху. Лицо ее стало напряженным... она помолчала секунд пять и сообщила:

– Недоступен.

Шеф в меру выругался. Ушел к себе, но грозное настроение витало в воздухе. Все молчали. Старались не переглядываться.

Где-то через час в приемной раздался звонок. Секретарша взяла трубку:

– Да?.. Здравствуйте. Откуда?.. Ах, да, да, сейчас соединю!

И – неразборчивый голос шефа. А через минуту он вылетел из кабинета как бомба. Даже волосы как будто встали дыбом.

– Я отлучусь! – рявкнул он. – Буду... Не знаю, когда буду. Работать в обычном режиме! – и его вынесло из помещения.

Вернулся часа через два, мрачнее тучи. Обвел всех тяжелым взглядом.

– После работы... – сделал паузу и закончил: – Всем задержаться. Ненадолго.

И прошел к себе.

Остаток дня миновал все в том же сумрачном напряжении. Наконец, удалился последний клиент, отнявший у сотрудников десять минут личного времени, а затем этим временем овладел хозяин.

– Запри дверь, – велел он секретарше.

Щелкнул замок. Секретарша вернулась, села.

Шеф помолчал.

– Мне звонили из милиции, – сказал он. – Насчет... – на-

звал фамилию Евгения Ильича.

Все обомлели.

– Что с ним?! – вырвалось у Сергея.

– Умер, – сказал босс. – При невыясненных обстоятельствах.

5

Конечно, это случилось в той самой проклятой квартире № 71. И вновь при деле оказалась соседка из № 72 – фельдшер.

Годы работы в «Скорой помощи» приучили ее засыпать мгновенно и спать так, что из пушки пали – не разбудишь. Но в эту ночь она почему-то спала плохо, ворочалась, просыпалась... и наконец, вроде бы провалилась в сон – и тут же ее выдернуло оттуда.

Она вскочила. Сердце билось так, что чуть не вырывалось из груди. Муж рядом дрых, похрапывал.

– Что это?! – спросила она себя.

Вскочила оттого, что по ушам резанул дикий женский крик – и теперь черт его знает, то ли во сне, то ли на самом деле. Пока она сидела и думала, за стеной вдруг рухнуло что-то тяжелое.

У фельдшера «Скорой» восприятия специфически обострены. Никаких сомнений – так грузно могло упасть только тело.

Через секунду она бешено трясла супруга:

– Вставай! Да вставай же! Да проснись!..

Тот был мужик с юмором:

– Ну чего тебе? Эрогенные зоны отлежала?

– Тьфу, дурак! Проснись, говорю. Там... за стеной у Кузьмича что-то упало. Будто человек упал!

Муж был не только юморист, но и здравомыслящий:

– Упал? Кто?.. Кузьмич, что ли, с кладбища вернулся?

– Дурак! Откуда я знаю, кто? Кто-то там ходит... упал кто-то, я же слышу. А до того как крикнет! Да крик-то какой... нечеловеческий.

– Ну и что ты предлагаешь?

– А чего тут предлагать?!

– Ну, так и я о том же. Что делать? Задрать подол и бегать?.. Спи давай!

И уснул. Но супруга уснуть не могла. Потащилась на кухню, глотнула валерьянки, потом долго таращилась и вслушивалась неизвестно во что неизвестно зачем. Наконец, легла и уж тогда – заснула.

Этот день был у нее выходной. Проснулась уже поздним утром, муж давно ушел. Она побродила по квартире, прислушивалась, ладе ухо к стенке прислонила и стояла так... Ночные страхи не давали покоя. Маялась, маялась, и решила позвонить своему напарнику – врачу.

Доктор выслушал взволнованный рассказ, поморщился: переться куда-то в выходной ему не хотелось. Но професси-

ональное братство для медиков – святое дело. Поэтому эскулап, мысленно чертыхнувшись, все же поехал.

Выслушав суть дела повторно, он кое-что переспросил, уточнил – и уяснил картину полностью.

– Гм... – промычал он, оценивая ситуацию.

На слабонервную, тем более сумасшедшую, его напарница никак не походила, он это знал. И поверил ей. Но признавал он и юридическую сторону дела. Никаких официальных оснований вторгаться в соседнюю квартиру у них не было. Оставалось уповать на неофициальные.

У врача «Скорой помощи» сами собой образуются связи в милиции – на низовом уровне, но зачастую самые эффективные. Все обдумав и сопоставив, он сказал:

– Ты помнишь... – назвал фамилию опера из районного угро, старлея, с кем им пару раз доводилось бывать на криминальных трупах.

– Ну, еще бы!

– Звоню ему, посоветуемся.

По совпадению, тот оказался неподалеку, на выезде. Взаимовыручка обязывает: минут через двадцать офицер и сержант-водитель были здесь. Фельдшерница в третий раз повторила свою историю. Блюстители переглянулись.

– Н-ну, – протянул старлей, – конечно, как-то... А вы уверены?

– Молодой человек, – довольно ядовито молвила хозяйка, – если бы я не была уверена, я бы и пальцем не шевель-

нула. И вообще, вслух я говорю только то, что знаю ясно.

Это убедило розыскника.

– Ладно, – проворчал он. – Семь бед, один ответ... Не впервой.

Он был хороший опер. Все нужное у него было с собой. Замок в холостяцкой квартире для него – пустое место. Старший лейтенант справился с ним за минуту.

– Ловкость рук... – подмигнул он и толкнул дверь.

6

Максим с силой провел ладонью по голове.

– Догадываюсь, что они там увидели...

Дима невесело усмехнулся:

– Думаю, обо всем ты не догадываешься.

Картина, открывшаяся ментам, была не просто ужасна. Она была кошмарна. Видавший виды старлей испытал шок.

В зале и в дальней комнате на полу лежали трупы. В зале – женщина, на пороге спальни – мужчина. Оба полураздеты. В зале на разложенном диване – включенная, мятая постель.

Ясно, что эти двое спали на ней. Ясно и то, что нечто сорвало их, бросило бежать – обезумев, они неслись не к двери, а от нее, в тупик. Позы были именно таковы – они бежали со всех ног, но не успели ничего. Смерть догнала их в один миг.

Но не это было самое страшное.

Удивить и напугать оперативника угро практически

невозможно. И в телах, застигнутых смертью на бегу, ничего нового для него не было. Он видел и упавших с пятого этажа, и сгоревших, и даже перерезанных поездом. Это была его жизнь.

А вот чего он не видел никогда – таких лиц, как у этих двух мертвецов.

Дима разволновался, слишком резко крутанул колесико зажигалки, вызвав целый сноп искр. Он ругнулся, чиркнул еще раз, прикурил.

– Серега... – сказал он, – Серега, по его словам, видел, эти фотки из уголовного дела. Так там... он говорил, что его дрожь пробрала, когда увидел.

– То есть? – почти шепнул Макс.

– То есть, – Дима тоже понизил голос, – лица искажены не то, чтобы ужасом... а так, точно это вообще не люди. Представляешь? Исчадья ада! Ничего человеческого. Существа из кошмарных снов!

В ходе расследования выяснилось, что Евгений Ильич сочинил для жены командировку на сутки, эта его манда тоже выдумала для мужа какую-то хрень... и уединились вдвоем в той самой нехорошей квартире. На кухне были обнаружены остатки ужина, бутылки – ясно, что там прелюбодеи пили и ели, потом перебрались на постель, где тоже происходило ясно что... потом, предположительно, вернулись на кухню, вновь выпили-закусили, и после того легли спать.

И вот тут начинаются загадки.

Что случилось с этими людьми в самую глухую пору осенней ночи?.. Они сорвались с постели не просто в ужасе – в предсмертном состоянии, они совершенно не помнили себя, не сознавали, что делают. Можно сказать, что последние секунды их жизни жизнью уже не были.

И это были именно секунды. Мгновенья ада на Земле – и сразу смерть.

Официально экспертиза установила у обоих инфаркт. Собственно, так оно и есть: острейшая сердечная недостаточность в условиях катастрофического стресса. Но вот чего никакая экспертиза объяснить не могла – так это чудовищные маски вместо лиц у погибших.

Здесь жуть взяла и бригаду патологоанатомов: они увидели не просто гримасу дикого страха, нет! Похоже было на то, что некто, зловещий и таинственный, проделал над лицами невероятную по мастерству и совершенно безумную пластическую операцию без скальпеля, изуродовав их по прихоти большой фантазии. Такого и врачи-потрошители ни разу не видели за все свои годы, а потому кто ж осудит их за то, что в вечер того дня, когда в морг поступили эти два тела, весь персонал, включая сторожа, ужрался в хлам служебным спиртом. Причем сторож особенно старался – мысль остаться ночью одному в компании кошмарных мертвецов стала одним из сильнейших испытаний в его жизни...

– Я их понимаю, – сказал Дима.

В «Олимпе» данные события вызвали если не шок, то

сильный диссонанс точно. Отчасти он носил рациональный характер: хозяин не без причин опасался за репутацию фирмы – что будет, узнай клиенты и конкуренты об этих мистических вещах... представить нетрудно. Очевидно, похожим образом мыслили и в следственных органах: здраво рассудили, что негоже, если по городу поползут слухи о неведомой жути, обитающей в одной из домов... не годится это и с политической точки зрения. Поэтому Виталию Ивановичу, неоднократно вызываемому как свидетель, внушили ни в коем случае не допустить утечку информации, то же самое разъяснили соседке-фельдшерице и ее напарнику. Что же касается вдовы Евгения Ильича и мужа несчастной блудной мадам, то они и так были морально раздавлены, и не в их интересах было звонить повсюду о случившемся.

В общем, утечку действительно удалось погасить в зародыше. Но в «Олимпе» стало нехорошо. Мрачная тень необъяснимых событий довлела над людьми. На второй участок шеф перевел Сергея, временно оставив за ним и четвертый – пока не закроется вакансия...

– И она заполнилась тобой, – сказал Максим.

– Точно так, – кивнул Дима.

В «Олимпе» негласно было решено не посвящать новичка в темные тайны. Вростет – сам все узнает. Так оно и вышло, Дима узнал и, будучи неглупым парнем, не стал ужасаться, поражаться, а принял информацию к сведению и стал работать.

Конечно, любопытство его разбирало. Между ним и Сергеем установились доверительные отношения, парни беседовали приятельски. Сергей сказал, что доверенность на продажу квартиры выписана адвокатше на год, стало быть, действует в полный рост. Он, Сергей, созвонился с юридической дамой, та подтвердила – да, все в порядке, все в норме, приезжать в контору не стала, сославшись на занятость. Да и нужды в том не было.

Покупатели на квартиру находились, но с тем же успехом, что и при Евгении Ильиче. Сергей от них не скрывал самоубийства хозяина, а вот о смерти риэлтора и его любовницы начальство строго-настрого велело помалкивать. Правда, про себя молодой человек решил твердо: если дело пойдет далеко, молчать не буду, ибо нельзя так подставлять людей... Но так далеко не зашло. Клиенты смотрели, мялись, на лицах у них было тоскливое недоумение... и в конце концов они отказывались.

Впрочем, ничего больше не случалось. Пока ничего. Время текло своим ходом, Дима трудился, освоился, стал нормально зарабатывать. С Сергеем в дружеских разговорах изредка поднималась тема «проклятой квартиры», но там и вправду все затихло.

– До поры до времени? – спросил Максим.

– Именно, – сказал Дима.

Да, время шло, и вот прошла зима, подтаяли снега, побежали ручьи... и в конце одного из рабочих дней Сергей вдруг спросил у Димы:

– Минут пять свободных есть?

Они вышли на улицу. Мир был полон восхитительным запахом только идущей, близкой, но еще не дошедшей к нам весны... Дима сощурился, глянул в предвечернее небо, вздохнул и тем покончил с лирикой.

– Что-то сказать хотел? – обратился он к Сергею.

– Да немного совсем, – тот улыбнулся как-то виновато. – Просто при коллегах не стоило.

– Понимаю. Ну, излагай.

– Ты знаешь... мне ведь эта чертова квартира все покоя не давала. В самом ведь деле что-то не то с ней. Просто не должно быть такого!

– А оно есть.

– Есть. И я начал собственное расследование.

– Ого! – Дима рассмеялся. – И как успехи?

– Успехи?.. Не знаю, можно ли это назвать успехами, но информацию кое-какую раздобыл.

– Хочешь поделиться?

Сергей помолчал, прежде чем ответить:

– Хотеть-то хочу, но...

Диме это блуждание вокруг да около, надоело:

– Да ты что, Серега?! Крутишь, вертишь что-то... Давай без виражей!

– Эх, Димыч, – вздохнул Сергей, – я бы и рад, да не уверен до конца. Понимаешь, сама собою так и срастается версия, все так ладно, складно в нее входит, но...

– Что но?

– Но как подумаешь, и оторопь берет. Так вот скажи кому – за психа примут... Нет! Нет пока, – Сергей решительно замотал головой. – Извини, передумал. Все-таки надо еще проверить.

– Ну, уж я-то тебя за психа не сочту! – рассмеялся Дима.

– Надеюсь, – серьезно отозвался Сергей. – Но... нет все-таки. Надо уточнить. Ты извини, что побеспокоил. Я уж все выясню досконально и тогда тебе сообщу. Обещаю!

Дима вскинул руки, показывая, что он без претензий. На том и расстались.

Вновь побежали дни. Сергей помалкивал, Дима тоже обходился без расспросов. Миновал март, пошел апрель... Дима понимал, что Сергей молчит не просто так – он стал серьезнее, задумчивее, чем прежде. И вот однажды, улучив момент, он шепнул:

– Ну, Димыч, кажется не даром следствие вели знатоки...

– Ага. После работы?

– Да. Как обычно.

После работы приятели вместе спустились с крыльца и

вольготным прогулочным шагом двинулись к парку.

– Ну? – не выдержал Дима. – Выяснил?

– Почти, – сказал Сергей. – Последний шаг!

– Для подтверждения?

– Да. Договорился, должен встретиться. Но пока молчу!

Боюсь спугнуть.

– Ладно, молчи. Скажи только, версия-то подтверждается?..

Сергей засмеялся, дружески хлопнул Диму по спине:

– Ах, Димыч! Она не то, что подтвердилась, она как-то усложнилась, разрослась... Знаешь, если бы мне вот так, с бухты-баряхты такое рассказали, я бы принял это... ну, за остроумную такую шутку.

– А сейчас нет?

– Нет! Без ложной скромности скажу: я проделал огромную работу. Потихоньку, незаметно...

– Без шума и пыли...

– Вот-вот! Ты знаешь, я собой доволен.

Он захохотал. Дима немного удивился – никогда еще он не видел старшего товарища столь приподнято-взбудораженным. Но видно и открытия такие случаются раз в жизни. В глазах Сергея прямо-таки сиял азарт.

– Последний шаг, говоришь... – протянул Дима.

– Да. Завтра все должен завершить, и... – он выразительно прищелкнул языком, – жди результат!

На том расстались. Это была суббота, короткий день. Ди-

ма неплохо отдохнул, а в понедельник утром прибежал на работу в предвкушении...

И ничего не вкусил.

Тем сотрудникам, кто знал Евгения Ильича, показалось, что они пережили дежа-вю. Кое-кто переглянулся с тоской во взоре, как бы еще пытаясь не поверить в то, что история повторяется... но поверить пришлось, когда из кабинета вышел Виталий Иванович.

Он так взглянул на рабочий стол Сергея, что кому-то из дамского персонала захотелось закрыть уши ладошками от совсем уж худых слов. Но Виталий Иванович сдержался.

– Где?.. – только и произнес он.

Молчание ответило ему понятней всяких слов.

– Звонили? Кольцов! Вы вроде как друзья?

Дима торопливо набрал номер Сергея... «Абонент вне зоны доступа», – равнодушно пропело электронное сопрано.

Шеф погонял желваки по скулам, ушел к себе. Пошел обычный день: посетители, звонки... для клиентов второго участка наскоро придумали отмазку: маклер заболел, если я чем-то могу помочь... выкрутились кое-как. По окончании же работы начальство протрубило общий сбор.

– Ну, соратнички, – с места в карьер начал шеф, – что-то мне подсказывает, что начинается вторая серия фильма ужасов... Кольцов!

– Я, Виталий Иваныч!

– Сергей тебе что-нибудь говорил?

Дима в один миг просчитал расклад.

– Это... про ту самую квартиру?

– Про нее.

– Да. Рассказал, что там произошло. Но я – никому! Ни слова.

– Это хорошо, – шеф в упор смотрел на Диму. – Соображаешь... А он сам не вздумал что-там исследовать?

Дима выдержал этот взгляд. И сказал очень честно:

– Не знаю, Виталий Иванович. На эту тему не говорил. Но...

И умолк. Шеф так и вцепился:

– Ну?! Что – но? Ну, говори, не тяни!

– Э-э... я не знаю, может и показалось... но в последние дни какой-то задумчивый он стал. Не знаю! Иной раз спросишь что-нибудь, а он и не ответит. Молчит, смотрит мимо...

Шеф смотрел не мимо, а почти как Вольф Мессинг. Диме стоило усилий не повести плечами, как от озноба. Но все же он выдержал этот взгляд.

– Задумчивый, значит, – проворчал хозяин. – Знать бы, до чего он, паразит, додумался...

8

Максим прижал пивную банку ко лбу – жестяной холодок хорошо охлаждал бродившую неясными мыслями голову. То, что он услышал от Димы, при критическом рассмот-

рении казалось невероятным... да что там невероятным! – казалось бредом.

И тем не менее Макс совершенно ясно сознавал, что все рассказанное – правда.

Сергей исчез бесследно. Связались с его родственниками – те знали не больше. Ну тут, ясное дело, коряво заворачивались юридические процедуры: заявление, розыск, следствие... Сделали расшифровку звонков с мобильного Сергея – ничего подозрительного. Прошерстили его компьютер – тоже. Попутно выяснилось, что последним человеком, достоверно общавшимся с Сергеем, был все же Дима.

– Допрашивали? – Макс слизнул с губы пивную пену.

– А то как же, – Дима тоже пригубил из кружки. – Да только выяснили немногое.

– Понятно, – Максим усмехнулся. – А вообще, та самая квартира в расследовании фигурировала?

– Официально – нет. А на самом деле, конечно, сунулись туда.

– И?..

– И ничего. Квартира как квартира. Видно, что давным-давно никто не живет. Пусто. Тихо. Пыльно. Все.

– И Сергей...

– Никаких зацепок, никаких следов. Даже не в воду канул! В никуда.

Дальнейшее Дима мог бы не объяснять, но он объяснил. Сумма зловещих событий вызвала в «Олимпе» заметное

тревожное расстройство. Брать в работу второй участок маклеры категорически отказывались, за исключением Димы – тот был готов, но Виталий Иванович сам волевым решением пресек это. Распорядился так: все остаются на местах, а на второй сектор взять нового человека. Разумеется, ничего ему не говорить, пока он не обживется в конторе. А обживется – сам все поймет и будет помалкивать.

Так на месте Сергея оказался Макс.

– И я был прямо-таки первый и последний? – с подозрением спросил он. – Вот так сразу пришел – и взяли?

Нет, ответил Дима. Пришельцы были. Первым явился весь из себя распальцованный юноша с манерами первого парня «с нашего района» и уверениями, что он окончил какие-то «курсы по недвижимости»... понятно, что этого персонажа постарались как-то так повежливее сплавить – ну, он и сплавился. Затем возникла унылая тетка, с которой шеф поговорил, конечно, но чуть не заснул во время этой беседы... И эту претендентку худо-бедно сбыли восвояси. Ну, а потом прибыл Максим Полканов...

– И всех устроил, – Максим улыбнулся.

– Стало быть, так, – Дима допил пиво.

– Слушай... – после некоторого раздумья произнес Полканов, – а почему ты со мной все-таки пошел в открытую? Ведь мы с тобой теперь вроде бы как подпольщики...

– Почему? Да решил, что вдвоем в этом деле проще будет разобраться.

– Ах, вот как. То есть, ты решил разобраться?

– Да, – твердо ответил Дима.

Макс чуть было не брякнул: а ты уверен, что я не сдам этот разговор начальству?.. – но устыдился. Наверное уж Дима знал, что делает. И знал верно – сдавать Максим бы не стал. Не тот человек.

Он мотнул головой, как бы отогнав противную мысль:

– Ясно. Ну, а если я откажусь?

– Тогда я займусь один.

...от прохладной банки на самом деле стало полегче, мысли угомонились. Максим залпом допил пиво.

Ночь пригасила звуки. Слышно было, как тихонько шуршит ветер во дворе, путаясь в кронах тополей, как едет где-то запоздалое авто... и какого черта нужно ему посреди ночи?..

И он вспомнил свои сны, вернее, сон – один и тот же, с продолжениями, что упорно снился ему где-нибудь раз в месяц вот уже на протяжении нескольких лет. Он видел незнакомый город – незнакомый ему, дневному Максиму, но в котором Максим ночной был хозяином, ходил по улицам, даже мчался в автомобиле... Странно! Проснувшись, дневной Максим с досадой чувствовал, что нечто самое главное в этих видениях ускользало от него, он помнил только, что этот город был какой-то... не то, что нищенский, но запущенный, сумрачный и опасный. Но тот человек, его ночная тень – он ничего не боялся. Он вообще был другой – резкий,

суровый... и не очень Максиму Полканову приятный.

– Альтер эго, – вздохнул Максим и перегнулся через перила, точно хотел увидеть там то, что разом ответило бы на его вопросы... Но увидел только то, что на такие вопросы он должен ответить сам.

Глава 3

1

Наутро Макс явился в офис очень подтянутым, собранным, даже движенья его стали четче, резче. Он совсем не походил на новичка, чей стаж работы в фирме – второй день. Пришел, улыбнулся, со всеми поздоровался, никого не выделив. Сел за работу. Дима заглянул к нему:

– Ну как ты? Освоился?

– Почти, – охотно ответил Максим. – Но если что, обращайся.

– Без проблем! – Дима нырнул к себе.

Полканов ощущал азарт исследователя и старался не выдать его. Очень неспешно он вывел на монитор карту города, выделил свой второй сектор.

– У-гум... – многозначительно промычал он и двинул курсор в область поиска. Секунд десять ему понадобилось, чтобы найти ТОТ САМЫЙ дом.

Вот он.

С минуту Максим смотрел в экран, пробуя отыскать что-либо необычное или хотя бы приметное, что бы выделяло этот дом среди других... попутно Макс терзал и зрительную память, пытаясь вспомнить, как выглядит это место в натуре

– но картинка получалась самой общей, расплывчатой. Так ничего особенного и не усмотрел и не вспомнил.

На этом исследования прервались, ибо зазвонил телефон внутренней связи.

– Да, – взял трубку Максим. Голос секретарши:

– К вам клиент... – и пошли трудовые будни.

Максим в буквальном смысле постиг на себе, что значит «вздохнуть некогда». Вдох – слово, выдох – два... и так до конца дня. Не успел оглянуться, как день кончился! Слава Богу, что еще без выездов обошлось.

И здесь он ощутил как страшно устал. Вот так бы сел и сидел, ноги вытянув... Но тут как тут возник Дима. Свободно и небрежно, как подобает честному человеку после трудового дня, он пригласил:

– Ну что, Макс, идем на заслуженный отдых? Расслабимся?..

Босс услышал это:

– Вы смотрите, не слишком там! Расслабьтесь, потом сами себя не соберете.

Дима озорно подмигнул Максиму: ворчит, мол, старый хрыч! А вслух бодро откликнулся:

– Ни за что, Виталий Иванович! Норму знаем.

– Ну, то-то...

Максим тяжеловато поднялся:

– Да-да, идем...

Вышли, неспешно двинули в сторону парка. Метров через

двести Дима оглянулся по сторонам, как бы невзначай, а на самом деле прицельно. И произнес совсем другим тоном:

– Ну, вернемся к нашим...

– Парнокопытным, – Максим улыбнулся.

– Примерно так. Что решил?

– Да то же, что и ты.

– Ага. Значит, идем вместе?

– Вместе.

– Отлично.

Дима сказал это как-то очень буднично, без эмоций. И продолжил так же:

– Тогда поехали?

Максим сперва не понял, а когда дошло, ощутил странный озноб внезапности:

– Туда?!

– Конечно.

– Прямо сейчас?..

– Ну, а чего тянуть-то!

Максим хватило двух секунд на раздумья.

– Ты на машине?

– Не-а, – откликнулся Дима. – Влом что-то сегодня... Да без проблем на маршрутке доедем.

...Уже в пути Максим вдруг подумал о том, как же они попадут в квартиру, но голосить на весь автобус, понятно, не стал. Спросил, когда вышли:

– Слушай, а у тебя что, и ключи есть?

– Есть, – Дима кивнул.

Он пояснил, что в предпоследнем разговоре Сергей тронул эту тему: возьми-ка, Димыч, комплект – собственно, даже не комплект, а один простенький ключ от замка советской эпохи – на всякий случай...

Ну, вот он и настал, этот случай – Сергей не ошибся в предчувствиях.

От остановки парни по подземному переходу пересекли широкий проспект, а поднявшись, взяли немного вправо, углубляясь в огромные пространства жилых кварталов. Максим сейчас иными глазами взглянул на эти места, давным-давно обжитые, заросшие кущами берез, рябин, сирени, с детишками на площадках, молодежью с пивом, старушками на лавочках у подъездов... Идиллия! – но Максиму в этой мирной благодати уже начало чудиться нечто... что-то такое потайное, скрытное, не ведомое никому из этих людей, беззаботно вкушающих вечерний отдых. Полканов невольно оглянулся, ничего, понятно не увидел, но все равно вечерние дворы виделись ему настороженными, притихшими. И от густой тени деревьев было здесь темнее и просторнее, чем на шумных улицах.

Шли молча. Странно – когда Максим понял, что этот дом совсем рядом, вот-вот покажется из-за поворота, острый, щекочущий холодок предчувствия паучьими лапками пробежался по спине.

Тропинка запетляла меж старыми, сросшимися в переле-

сок кленами, повела ребят за угол пятиэтажки, обросшей сиренью, и...

И Дима остановился. Встал и Макс.

– Ну, если я не ошибаюсь... вот он, этот дом. А я не ошибаюсь.

В топографии городской местности у риэлтора глаз – алмаз. Но в данном случае и Макс, риэлтор, в общем, никакой, угадал, где объект. Он лишь кивнул Диме в ответ. Оба стояли и смотрели.

Типовая застройка конца 60-х годов представляла собой ровные ряды стандартных хрущевок, так что впору бы именовать эти микрорайоны даже не по улицам, как в Нью-Йорке, а по домам: первый дом, второй, третий... и так далее.

Дом, на который смотрели Дима с Максом, был совершенно таков же, что и все прочие здесь. Панельная пятиэтажка, с бледно-розовой побелкой, сильно стертой непогодами многих пролетевших над этим миром лет. Окна, балконы со всяким барахлом – ну все как везде...

Кроме одного.

Дима вновь быстро сориентировался.

– Так, – сказал он. – Ну, если я правильно понимаю... то вот эти окна на третьем этаже. Ну да, у них и вид какой-то нежилой.

Макс с темным любопытством воззрился в эти окна. Да, вид нежилой, прав Димка. Пыльные стекла, закрытые форточки, задернутые шторы... Максим смотрел, и его взгляд

словно втягивало туда, в полутьму затененных комнат. Он вновь ощутил пробежку незримых паучьих лапок по спине.

Дима подтолкнул его локтем:

– Ну, искатель приключений, идем?

– Да.

Обошли дом, приблизились к парадному. В дверь подъезда был вставлен примитивный механический замок – задача для полудурков, но не для человека, владеющего элементарной смекалкой. Ну, а уж для риэлтора-профи...

Умело растопырив пальцы, Дима нажал одновременно четыре кнопки. Замок щелкнул. Ребята вошли в подъезд – самый обычный подъезд самой среднестатистической хрущевки: в меру прибранный, в меру грязноватый... Поднимаясь, Максим напряженно вслушивался: где-то играла музыка, где-то смеялись... жизнь как жизнь.

На площадке между вторым и третьим этажами Дима вынул ключ, прижал палец к губам: тихо!.. Макс кивнул.

Последний пролет одолели бесшумно, почти на цыпочках. Ключ наготове – Дима сразу же вставил его в замочную скважину, крутанул, толкнул дверь.

Это случилось так быстро, что Дима с запозданием подумал: а какая она сама, эта дверь?.. – уже в квартире. И вторая мысль: а оно тебе важно?.. – после того, как Дима аккуратно прикрыл дверь, и они остались вдвоем в тишине.

Несколько секунд оба не двигались, почти не дышали. Затем Дима негромко рассмеялся:

– Ну и что мы, дураки, остолбенели?.. Идем!

Он первым двинулся вперед. Дощатый пол слегка поскрипывал под шагами. Максим чувствовал, что его взгляд обострился, замечал такие мелочи, какие сроду бы не заметил: рисунок на обоях, на шторах... Ясно было, что это жилище одинокого пожилого человека: бедненько, чистенько – если, конечно, не считать изрядного слоя пыли на полу, на мебели, на подоконнике...

– Тот самый диван, – кивком указал Дима.

Максим взглянул. Старенький потертый диван стоял в собранном виде и очень несложно было представить, как он выглядит разобранным. Макс представил. У него вообще порядок был с воображением. Оно живо нарисовало эту комнату ночью: тихо, темно, одежда, второпях брошенная на стулья... два тела под простыней...

Невесело, должно быть. Люди прячутся от всех на чужой съемной квартире, каждого из них грызет мысль о том, что он предает своих родных, ничего не подозревающих об измене... и оба пытаются отогнать эту мысль алкоголем, сексуальным возбуждением, искусственным, припадочным весельем...

А потом...

Он вздрогнул – Дима хлопнул его по плечу:

– Что застыл?

Максим заставил себя оторвать взгляд от дивана.

– Так. Ничего.

Дима смерил шагами расстояние до двери в спальню.

– Ну вот так оно примерно и было. Я много раз представлял себе эту картину... но так до конца и не могу представить. Лица, изуродованные ужасом – это как? Бред, видения...

Дима огляделся. Лицо его странно изменилось, как-то повзрослело, что ли.

– Ты знаешь, – сказал он, – я вот сейчас пытаюсь прочувствовать пространство. И ощущаю какое-то... черт знает... у тебя ничего такого нет.

– Есть, – хмуро кивнул Максим. – Но ведь это само собой.

Он в самом деле ощущал давление некоей неприятной силы – но еще бы не ощущать в месте с такой мрачной историей! И отнес это на счет внутреннего напряжения.

Дима прошел в кухню:

– Ну, а суицид имел место здесь.

Максиму видеть ЭТО не хотелось, но он себя заставил. Обстановка и на кухне была столь же скудной и запущенной: стол, буфет, холодильник – пережиток советского быта, закопченный потолок... Дима, задрвав голову, смотрел на узкую водопроводную трубу, а когда подошел Макс, ткнул

пальцем вверх – ну, вот оно и есть, то самое.

Максим тоже глянул, и от этого тоскливая муть стала только гуще. Он поспешил выйти, в зале остановился у окна, стал бездумно глядеть в вечернее небо.

Мысли если и были, то не задевали сознание. А вот тревога стала явной, она будто вылилась из души и стала растворяться в тишине, в пыльных углах, в полутьме коридора...

Дима подошел, встал рядом.

– Ну что, – спросил Максим, – какие выводы?

– Да никаких пока. Ощущения тягостные.

– Это точно.

Постояли.

– Слушай, – Максим повернулся к Диме, – давай-ка продумаем план действий. Начнем с цели: чего мы хотим?

– Понять, что здесь произошло.

– Так. И вот мы здесь. Что-то прояснилось?

– Нет.

– Так, – повторил Макс. – Следовательно?

Дима подумал. Пожал плечами неуверенно:

– Черт его знает. Метод тыка?.. Поговорить с кем-то, кто знает, слышал...

– Ага, – Максим оживился, – ну уже что-то! А знающих таких у нас – кто?

– Соседка? – догадался Дима. Максим кивнул. И добавил:

– Правда, к ней нужно подход искать.

Здесь оба сошлись в том, что женская психология – нечто

такое, на чем сам черт ногу сломит. Дима оживился, чуть было не начались воспоминания, но спохватился вовремя, переключился на дело.

Дело, как всегда, оказалось проще и грубее теорий. Как реально подойти к объекту?.. Тут-то все умничанье свелось к тому, что надо позвонить в дверь, спросить хозяйку – а там что-нибудь придумаем.

– Ты знаешь, как ее зовут? – спросил Макс.

Дима с сожалением развел руками.

– М-да, – Полканов огляделся.

Нет, черт возьми, это не только впечатление, навеянное сумрачным прошлым! Что-то здесь есть тяжелое, страшное, скрытое за скудным безмолвием, за обманчивой пустотой!.. И это «что-то» затаилось, выжидает – и чем может обернуться выжидание?!

– Слушай, – решился Макс, – в общем-то есть еще одна тема...

Все просто: остаться здесь, в квартире на ночь и посмотреть, что будет. Логично?

Дима, выслушав, неопределенно поиграл бровями:

– Н-ну... резон есть. Только, сам понимаешь, не сейчас. Это же надо как-то подготовиться... Ладно, подумаем. Мысль здравая.

С тем они и вышли. Дима кивнул на дверь семьдесят второй:

– Звоним?

– Конечно, – сказал Макс.

Дима звякнул. Тихо. Подождали. Дима повторил – ничего.

– Не судьба, – улыбнулся он, пошел вниз.

Потом Максим не раз вспоминал эти слова. Жизнь странная штука – самые важные истины в ней часто звучат мимоходом, да и сам сказавший иной раз даже не догадывается, каких глубин он коснулся.

3

Дима шел первым, Макс вторым.

На входной площадке, перед самой подъездной дверью была, как водится, тьма непроглядная. Дима споткнулся, чертыхнулся, зашарил руками...

А Максим, сроду не боявшийся темноты, вдруг пережил острый приступ...

Страха?

Черт знает. Страх-не страх, но острая, как нож, тревога – острее, чем там, наверху. И Макс с совершенно ясной, пугающей силой понял, что в той квартире с ним случилось нечто, изменившее ход его жизни. Он попал в западню, и пока может только бежать, бежать без оглядки, спасаясь от неведомого, чей почти неслышный злой бег едва уловим сзади напряженным слухом.

Вряд ли Макс успел осознать все это.

Дима сладил с замком, тот щелкнул, дверь распахнулась.
Парни вышли из подъезда.

Вечер заметно сгустился, стало прохладнее, сладко пахло шиповником, чьи заросли заполоняли этот двор. Ребята вышли на проезжую часть...

Сзади бешено взвыл мотор, мелькнуло что-то – и тут же дикий визг тормозов. Максим, успевший краем глаза угадать рывок авто, метнулся влево, дернув Диму за рукав.

Машина тормознула в полуметре – темно-синий «Шевроле», каких сотни. Из нее выскочил мужчина лет сорока.

– Сюда! – крикнул он. – Скорей! Да скорей же, на хрен!..

Скорей не вышло. Парни очумели – а незнакомец, видно, был не мастер объяснять.

– В машину, ну! Давай... А, сволочь, все. Приехали!

Невесть откуда вырвалась еще машина – тоже самый обычный «Рено». Она подлетела в упор к «Шевроле», дверцы распахивались еще на ходу, из них рвались наружу крепкие молодые люди, чьи лица вызывали желание уклониться от встречи...

Мужик из «Шевроле» стал бледен как мел.

– Бегите! – крикнул он. – В лес, быстро! Ну!..

Максим вдруг увидел, что этот тип одет в ветровку – странно для теплого летнего вечера. Правая рука нырнула за левый борт куртки, вынырнула...

И в этой руке был пистолет.

– Бегите! – еще раз крикнул водитель «Шевроле» и от-

крыл огонь.

Максим оцепенел. Такое не могло присниться ему в самом диком сне. Он стоял и глазел как в кино.

Мужик в ветровке палил почти в упор, держа «Макар» жестким двуручным хватом – у ребят из «Рено» все сразу стало очень плохо.

Бах-бах-бах! – три выстрела хлестнули как очередь, и через секунду еще один – бах!

Ближний из парней кувыркнулся так, что хрен знает, то ли пуля зацепила, то ли он такой жуткий трюк отмочил – жить захочешь, и не так спляшешь. Второй грузно осел у заднего колеса, точно снеговик, который резко начал таять. Убит? Ранен?.. В лобовом стекле «Рено» возникла дырка со множеством звездных лучей-трещин.

Максим ощутил себя заколдованным – стоял и смотрел на все это, не зная, верить или не верить. Как будто время сломалось. Дырка в стекле. Люди на асфальте. Чей-то истошный вопль вдали...

И как в замедленной съемке – водитель «Рено» неуклюже полез из машины. Правая рука висела плетью. На светло-голубой рубахе ниже правого плеча расплывалось кровавое пятно.

Но в левой руке был пистолет. И этот пистолет начал стрелять.

Раненый вел огонь скорее наобум, от отчаяния – вряд ли он был левшой... да хоть бы и был, о меткости тут говорить

нечего. Но что-то в этом деле возмутило Фортуну – и она незримо коснулась руки стрелка.

Максим стоял все так же обалдело – замедленная съемка продолжалась. Человек в ветровке судорожно дернулся, и колени его подломились.

Он весь сложился как игрушечный. Раз! – сломались ноги. Два! – упали руки. Три! – тело мягко повалилось на асфальт.

Максим очнулся.

– Бежим! – выкрикнул он. И они помчались.

Никогда в жизни Макс не бегал так. Опять же – время выключилось. Секунда! – и оба уже в лесу.

Этот жилой массив западным краем примыкал к одному из городских парков, который, собственно, был природный лес – правое крутое побережье реки, дугой огибавшей город. Он, разрастаясь, новыми когда-то кварталами въелся в этот лес, часть отгрыз и на этом замер и по сей день. Роковой дом был в предпоследнем ряду: за ним еще одна неполная шеренга зданий, улица, а там уж сосны и кусты.

Туда и влетели пулей Дима с Максом.

Разум, медленно и методично изучающий мир, в такие мгновенья бесполезен, даже вреден. Начнешь думать – пропал. Но слава Богу, есть чутье, нюх, интуиция – как хочешь назови! Оно и метнуло ребят как надо и куда надо. Опомнившись и чуть-чуть отдышавшись, они увидели себя в такой лесной глухомани, куда, поди, никто и не забредал.

Стрелки из «Рено» то ли растерялись, то им было уже со-

всем ни до чего – шут их знает. Погони не было.

– Ну и как... – горло перехватило, Дима закашлялся, замотал головой, – как тебе эта... шутка юмора?..

– За гранью... – согласился Макс, – добра и зла...

Еще две минуты риэлторы успокаивали дыхание, потом присели на корточки.

– Однако! – криво усмехнулся Максим, – квартирка-то и в самом деле с чудесами. Ты знаешь...

И он рассказал о чувствах и предчувствиях как в самой квартире, так и в темноте подъезда. И главное – о том, что побывав там, они сами того не зная включили какой-то неизвестный механизм событий. И события пошли! – да так лихо, что мозги коромыслом.

Рассказав это, Максим умолк: в памяти легко, без усилий встала картина перестрелки. Хлопают выстрелы, падает один человек, другой, третий... Черт возьми! Это было на самом деле. Когда вот так сейчас об этом думаешь – в это невозможно поверить. Но это было, было, было!..

Максим сжал голову руками, затряс ею так, словно хотел избавиться от лишней памяти. Дима увидел, понял это, усмехнулся:

– В голове не укладывается?

– Да уж, – Макс отнял руки от висков, – это как-то побольше, чем моя голова...

И тем не менее укладывать надо – это он понимал отлично.

Дима вынул сигареты, присел на корточки:

– Всякое дело стоит начать с перекура! И думать будем.

Сперва он шифровался, старался дымить осторожно, дабы не вызвать демаскировки... потом, видно, сообразил, что здесь их, кроме местных зверюшек и птиц никто не увидит, засмолил в открытую.

– Ну, давай начнем, – предложил он.

– Давай, – подтвердил Макс. – В хронологическом порядке.

Итак, имеется квартира, где не случайно происходят кошмарные вещи. Ладно, покончил с собой странный нелюдимый тип – это, в конце концов, не такая уж редкость. Но вот то, что произошло с незадачливыми любовниками... это уж ни в какие ворота.

– И мы, – сказал Максим, – совершенно не знаем, что это было. И никаких гипотез строить не можем: материала нет.

– Твоя правда, – Дима кивнул. – Но рассуждать-то нам никто не мешает!

И они двинулись по хронологии.

Что дальше? Дальше событиями в квартире заинтересовался риэлтор Сергей. И доинтересовался до того, раскопал вокруг нее некие очень странные вещи... И пропал без следа. А когда этим заинтересовались Дима с Максом, они тоже чуть было не пропали – без следов ли, со следами... это пока дело десятое.

– Можем ли мы допустить, что нас хотели... убрать? – Ди-

ма чуть-чуть смягчил концовку.

Максим пожал плечами:

– Ну, во всяком случае, из-за нас эти типы готовы были поубивать друг друга... Да собственно, и поубивали частично.

– Точно, – согласился Дима. – Заметь: Серега занимался несколько месяцев – и ничего. А нам стоило один раз сунуться, и прямо тебе Карибский кризис. Почему?..

– Не знаем, – молвил Максим тоном глубокого исследователя.

– Не знаем... – повторил Дима. – Знаем только, что дело серьезное и в него, похоже, втянуты такие силы, что...

Он не договорил. Взгляд его замер.

Максим даже испугался малость:

– Ты что, Димон?!

Тот помолчал секунд пять, затем рассудочно закачал головой:

– Эх, Макс... Вот ведь все мы задним умом умные! До меня лишь сейчас дошло: Серега-то хотел мне что-то сказать, да потом не стал, передумал... Что?

– Какие-то материалы по этому делу?

– В точку! Уж не собрал ли он кое-что и спрятал где-то? Хотел было со мной поделиться, да не решился... ну, а потом все сложилось, как сложилось.

– Так. Ну, в компьютере, конечно, нет?

– И думать нечего! Серега был парень умный. Если он че-

го и прятал, то не дома и не на работе.

– Ну-у... тогда это иголка в стоге сена.

Дима, однако, с этим не очень согласился:

– Да не скажи. Я вот прикидываю...

Прикидывал он так: у всякого опытного риэлтора имеются несколько пустых квартир, стоящих на продаже, и их можно по-тихому использовать...

– Один доиспользовался... – неловко пошутил было Максим, но Дима резонно возразил. Да, сказал он, всякое бывает. Но если все делать по уму, шито-крыто... Я и сам... гм... ну, это другая тема!

– А про Сергея, – добавил Дима, – я мыслю так: не прятал ли он эти материалы на одной из таких квартир... или же где-то рядом в укромных местах?

– Ну, если так... Список квартир в моем компе рабочем есть, но это опять же куча адресов. Да и на работу нам ходу нет.

Дима поразмыслил.

– Это точно. Да и домой тоже. Если за нами идет охота...

– Да уж тут без если. Идет. И кто охотник! – вот ведь задачка.

– М-да, – Дима бегло глянул в предзакатное небо. – И вообще, скоро ночь, и жрать охота...

Вывод построился сам собой. У умного риэлтора сразу несколько пустых квартир в разработке – Дима риэлтор умный – стало быть, одну из таких квартир можно использовать

как временную базу. Хотя бы до утра. А утро вечера мудренее.

– Идем лесом, – Дима указал рукой. – До бульвара. Там гастрonom есть. Берем жратву, вызываем такси и едем на базу. Подкрепимся и вновь будем думу думать.

4

Марш-бросок по лесу оказался потруднее, чем казалось. На три километра потратили час и вышли к бульвару все взмокшие, усталые, еле двигая ногами. Немного постояли в укромном месте, отдышались, отдохнули, отряхнулись... Пошли в гастрonom.

Набрали всякого провианта, вызвали такси – и через полчаса были на адресе. Квартира, хрущевская «трешка», была наспех, под продажу отремонтирована, скудненько обставлена... в общем, жить можно.

Ребята в самом деле сильно проголодались, жадно набросились на еду, запивая пивом. Максим, когда ощутил сытость и приятную легкость в голове, с пивом прекратил. Посмотрев на него, свой стакан отодвинул и Дима.

– Хватит пока, – сказал он.

– Слушай, – Максим настроился на серьезный разговор, – я тут подумал... Самое простое решение, оно быть может, самое мудрое. Идти в милицию и рассказать все как есть. Ведь на месте перестрелки наверняка уже все их начальство:

дело-то из ряда вон! И наверняка кто-то из свидетелей видел, как два типа удрали в лес.

– Не факт, – Дима не удержался, все же хлебнул пивка.

– Не факт, конечно, – согласился Макс. – Но учитывать эту возможность мы обязаны.

Дима вынул сигарету, покатав в пальцах.

– Это точно, – признал он.

– Ну, так как? – напирал Максим.

Дима пожал плечами, закурил.

– В общем, логично, – сказал он, – но...

– Что – но?

– То, что я воздержался бы от общения с официальными органами.

– Почему?

– Имею опыт, – странно усмехнулся Дима. – Такое дело надо делать с мощной юридической поддержкой.

– Которой у нас нет?

– Н-ну... почему нет. Кое-что есть.

– Да?.. Ну, Димон, не тяни, говори яснее!

Дима улыбнулся и выразился яснее. У него есть знакомый – другом не назовешь, но по-человечески поговорить можно. К нему и не зазорно обратиться с просьбой о помощи. Бывший капитан ФСБ, ныне адвокат. Ушел в правозащитники, трезво полагая, что на данной ниве обретет доходов куда больше, чем в ведомстве «плаща и кинжала»... Да и оказался прав. Но и прежних связей умный юрист не порвал, отче-

го кое-какой эксклюзивной информацией владел, опять же к собственной выгоде.

– Хваткий парень, – одобрил Дима. – По жизни прет на всех парусах.

К нему-то и нацелил обратиться Дима – чтобы тот по своим каналам втихую выяснил расклад. Стрельба наверняка станет сенсацией № 1 местных новостей...

Тут они пожалели, что телевизора в квартире нет, хотя если сказать правду, смотреть, слушать – никаких сил не было. В общем, договорились звонить ушедшему адвокату и просить совета.

– Только утром, – заявил Дима. – Сейчас все, ни сил ни разума. Спать! А утро вечера мудренее.

Он повторил эту и без того расхожую фразу, еще не зная, насколько окажется прав...

5

Утро началось с дождя. Максим проснулся – не сразу понял, что он в чужой квартире, а когда дошло, вспомнил вчерашние события, увидел мокрое стекло, услышал торопливую дробь капель по жестяному подоконнику... такая тоска взяла за сердце, что хоть плачь.

Ну, плакать не стал, конечно. Встал, осторожно прошелся. Дима еще спал. Макс прошел на кухню, сел на табурет и долго, пусто глядел в окно. Время шло, вот и Дима проснул-

ся, заворочался, закашлял... встал.

– Доброе утро, – Максим вышел в зал.

– Хотелось бы... – сонно буркнул Дима. – А дождик кстати. К урожаю...

– Идем чай пить, – улыбнулся Макс.

Ребята со вкусом гоняли чай – Дима сказал, что звонить капитану-адвокату следует не раньше десяти. За чаем и разговорами время кое-как убили, подтянулось к десяти.

– Ну, минут через пятнадцать звякнем, – бодро решил Дима.

Опять-таки он и предположить не мог, что решит за него судьба через минуту...

Звякнул не он, звякнули им. Тишину квартиры нарушил звонок в дверь.

Парням он показался ударом гонга. Максим чуть не поперхнулся чаем. Оба застыли, выпуча глаза друг на друга.

– Кто это? – глупо спросил Макс.

– Черт... – пробормотал Дима. – Неужто хозяйева приперлись?!

– Да уж хозяйева бы звонить не стали. Ключом...

– Тоже верно.

Все это говорилось быстрым свистящим шепотом.

Звонок повторился – подлиннее и понастойчивее.

– Гляну, – решился Дима и воровским неслышным шагом пустился в коридор.

Удалось добраться до двери бесшумно. Приник к глазку.

На площадке стоял мужчина скромно-интеллигентного вида. Никогда прежде Дима его не видел.

«Ну и что?..» – пронеслось в голове. Дима просто не представлял себе, что делать. Стоял почти не дыша и смотрел. В глазок, конечно, видно было скверно, но даже так человек на площадке внушал безотчетное доверие. Без всякой логики, без рассуждений Дима понял, что плохого от этого человека ждать нечего. Но открыть все же не решался.

Мужчина негромко произнес:

– Ребята! Я примерно представляю, что с вами происходит. И хочу вам помочь.

Дима бесшумной тенью отпрянул от двери.

– Макс! – адским шепотом. – Это какой-то мужик... – и повторил слова этого мужика.

Мысли Максима завертелись вихрем. Что сказать? Что делать? Он не знал. Дима метнулся вновь к двери, но и он знал не больше Максима. Голос за дверью терпеливо произнес:

– Ребята, я слышу, как вы там мечетесь. Это все пустое. Я... мне кажется, что я могу вам помочь.

Ребята переглянулись. Ах, как захотелось поверить незнакомцу! Вихри в голове Максима слились в неопровержимое: «семи смертям не бывать, а одной не миновать...» ну и будь что будет.

Он махнул рукой: давай!

Дима распахнул дверь и включил свет.

Человек шагнул через порог как гость, давно и почетно

ожидаемый здесь. Он был в легком светлом плаще, мелко искрившемся капельками дождя. В раскрытом ворота – голубая рубашка, синий в белый горошек галстук, все в тон, все скромно и прилично. Сам невысокий, неприметный, волосы скорее светлые. Залысины со лба.

Ладонью он смахнул дождинки с ворота плаща, улыбнулся:

– Ну что, здравствуйте?..

– Здрасьте, – сказал Дима. – Вы кто?!

Пришелец изящно поклонился:

– Рябко Андрей Николаевич. Кандидат философских наук. Доцент.

Часть вторая

Глава 1

1

Андрей Николаевич Рябко много лет считал, что его жизнь вошла прямую и прочную колею, где день за днем и год за годом идут ровно, предсказуемо. Хотел ли он этого?..

Он задавал себе этот вопрос и не мог найти ответа.

Хорошему ученику, обладателю серебряной школьной медали, ему было в общем-то все равно, куда идти учиться, лишь бы поступить. Непопадание в ВУЗ семнадцатилетний Андрей Рябко расценил бы как трагедию. Как катастрофу. Поэтому он выбрал химический факультет университета, куда конкурс был невелик, и легко поступил туда.

К концу первого курса он понял, что ошибся, к концу второго – что учиться дальше не вмоготу. Не то, чтобы он возненавидел химию – вовсе нет, он даже стал испытывать некоторый интерес к этой науке, узнав ее поглубже. Но дело в том, что за эти два года Андрей открыл для себя философию, и она затмила все прочее.

Самая суть бытия, огромные вопросы, над которыми человечество бьется столетиями и не может найти ответа!.. Мир философии предстал перед ним, как бескрайний простор под ясным небом, освещенный добрым солнцем, мир, открытый тому, кто хочет идти по нему в поисках истины, а она где-то за горизонтом, за тридевять земель... и вольный воздух этих земель, и ожидание открытий... книги, люди, вдохновенная мысль! Конечно, по сравнению с этим всякая наука покажется пресной, и химия в том числе.

Студент Рябко начал процесс перевода с химфака на философский. Первой реакцией начальства на желание студента было понятно что: сморщившись, замахать руками, застонать: «Ступай, Рябко, ступай! И так дел невпроворот, а тут еще ты со своими глупостями... Ступай подобру-поздорову!»

Но Рябко был упорен. Он не отстал и заставил с собой считаться. Выяснилось, что все возможно, просто факультету неохота терять хорошего студента, да и возиться с документами, с экзаменами... Андрей все это одолел, добился права сдавать эти экзамены – и сдал. И третий курс встретил студентом философского факультета.

Он торжествовал. Думал, что открыл прямой путь в этот бескрайний мир, озаренный вечным светом мысли, и уж конечно, достигнет в этом мире блистающих вершин...

Но судьба распорядилась иначе – проще и суровее.

Андрей принялся усердно учиться, стал одним из лучших,

и по окончании университета ему предложили аспирантуру. Он поступил, столь же старательно учился и там, и вроде бы так оно и надо по жизни, если бы...

Если бы не перевернулась в эти годы жизнь.

С распадом СССР и философские знания и сама философия стали никому на фиг не нужны. Аспирантская стипендия – да, она была, но превратилась в копейки, на которые не прожить и неделю. Все молодые ученые вынуждены были подрабатывать как могли, взялся за это и Андрей, устроился в торгово-посредническую фирму агентом по продажам. Работал. Впаривал клиентам всякий вздор. Сразу же ощутил, как колесо жизни пошло вязко, с натугой, свет и простор философских истин потускнели и съежились... а самое странное и даже обидное – как коммерческий агент Андрей стал влегкую зарабатывать десять своих стипендий, стал позволять себе дорогие покупки, и не потому, что надо было, а просто так: увидел, захотелось – и купил... Это было не плохо, но душу все-таки саднило: ну как же так, какая-то чушь в этом мире ценится больше, чем соль человеческой мудрости?! Ужасная, противная несправедливость.

А тут еще случилось нечто неожиданное. Андрей влюбился.

Это было как гром с ясного неба. Вне всяких планов и действий, помимо размышлений философа Рябко о цели жизни, высшем предназначении человека, смысле истории и т. п. Он впервые понял, что такое потерять голову, а вскоре понял

это во второй раз, и куда сильнее – когда увидел, что избранница ответила ему взаимностью.

Он ходил, ошалевший от счастья. Денег хватало, и он принялся усердно заваливать свою принцессу (ее звали Мари-на) разными подарками. Принцесса принимала все это очень благосклонно и в ответ дарила влюбленному ночи, полные нежности и страсти.

Ясно, что дело прикатило к свадьбе. Стали жить-поживать, добра наживать... только вот наживание это недолго длилось. Семейная жизнь оказалась совершенно непохожа на романтику свободных отношений – с ресторанами, танцами в полутьме, близким дыханием и знойными ночами. Андрей считал совершенно естественным, что он, защитив диссертацию, бросит свою дурацкую фирму и отдастся любимому делу. И он был несказанно и неприятно удивлен, когда выяснил, что его любимая мыслит совсем по-другому.

Ей, собственно, было все равно, чем занимается ее муж – кандидат он наук, доктор, мусорщик, министр или мужчина по вызову для педерастов. Главное – чтобы он приносил в дом как можно больше денег. Поэтому, когда Андрей после защиты радостно сообщил супруге, что его берут на должность старшего преподавателя в один из городских вузов, она его радость не разделила. Тайны мироздания и загадки человеческой души не волновали ее совсем, и она полагала, что агентом по продажам можно запросто работать и с ученой степенью.

Что верно, то верно, оклад старшего преподавателя оказался сущими грошами по сравнению с доходами агента. Дома началось черт-то что, Марина день и ночь пилила мужа – что он дурак, и все такое. На утверждения о том, что он кандидат наук и, следовательно, дураком быть не может в принципе, она презрительно отвечала, что бывают дураки и доктора наук и профессора и академики.

В такой обстановке ни о какой плодотворной научной работе не могло быть и речи. Андрей не находил себе места, уговаривал и так и эдак, просил подождать год-другой, обещал заняться репетиторством... но жена и слышать не хотела.

Дальше – хуже. Начались какие-то отлучки, поздние возвращения, запахи вина. Андрей долго не замечал этого, вернее, старался не замечать. Но уж чего он не заметить не мог – что Марина душевно отдаляется, становится чужой. Да и физически тоже: близости меж супругами не стало, на робкие попытки Андрея жена отговаривалась либо «такими днями», либо нездоровьем, иной раз и просто отмахивалась с брезгливой миной. А муж, философ хренов, не мог найти подхода, мучился, не знал, какие подобрать слова... а время шло. Шло, шло и ушло.

Однажды, вернувшись домой, Андрей увидел, что жены нет, нет ее вещей, а на столе – записка. Марина не почтила мужа очным объяснением, все изложила письменно. История банальная: я полюбила другого и ухожу от тебя. Прощай.

Бракоразводные вопросы решим позже.

Сказать, что Андрей был потрясен – ничего не сказать. Он был морально убит. Какие-то дни выпали из памяти наглухо, оставшись как одно серое пятно. От горя он плохо соображал, и как назло, это было начало учебного года, он вел кучу занятий, лекций, семинаров... и как он их провел, одному Богу известно. Потом Андрей диву давался, вспоминая эти дни, и не мог представить, как он все пережил.

А ведь потом был еще и развод. Еще одно тяжкое испытание – видеть чужую, холодную, уже не принадлежащую ему Марину и ее нового мужа. Тот, правда, в зал суда не входил, маячил на улице, и Андрей совершенно не заметил, какой он из себя. Да и незачем.

Он стоял рядом с Мариной, слышал ее сухие ответы на вопросы судьбы, сам говорил что-то... и с ужасом думал, что женщина рядом с ним – чужая, все что было, ушло навсегда. Он как бы онемел, еле выдавливал слова, а душа его билась и кричала: нет! Нет! Этого не может быть!..

Только все эти крики остались не услышанными миром. Выйдя из суда, Марина бросила: «Пока», – и сразу к своему кренделю. Сели в машину – и только их и видели. Андрей остался один.

И вновь несколько дней он не помнил себя. Тупо болело сердце, словно наступили на него. От нечего делать Андрей потащился в поликлинику, и когда пошел, стало полегче, стал смотреть по сторонам, увидел: осень, прохладное

солнце, листья, листья, листья... желтые листья везде. Андрей даже слабо улыбнулся этому – он и забыл, что на белом свете существует осень.

Запомним это.

Когда врач стал смотреть кардиограмму Рябко, он как-то нехорошо изменился в лице – Андрей это заметил, хотя доктор успел спохватиться и бодро затарахтеть что-то насчет того, что стоит бы пообследоваться, провериться... для чего следует ненадолго лечь в стационар.

Андрей равнодушно согласился. Сроду он не лежал ни в каких больницах, не знал, что это такое. Подумал лишь, что будет тоскливо... но это было ему все равно. Приехал в кардиоцентр, разместился в палате. Началось лечение. Он совершенно ничего не делал, только лежал, ел, принимал процедуры... вновь лежал, дремал и засыпал. К своему удивлению, Андрей обнаружил, что вот так ничего не делать – оказывается, очень здорово. Он дремал – и боль, теснившая душу, потихоньку разжимала клещи. Он уже начинал думать, что так и будет жить с этой болью всю жизнь... правда, такая жизнь долгой быть не может. Ну и ладно.

Но странный, не самый благостный покой больницы подействовал исцеляюще. Пережитое стало уходить куда-то вдаль, и к самой выписке Андрей почувствовал, что оно осталось за чертой времени, как любое прошлое. Было – и прошло. И надо жить дальше.

И Андрей стал жить дальше. Ушел с головой в работу. Со временем он набирался опыта и как преподаватель и как философ. Его ценили. И как профессионал он нашел свою тему: раскрытие возможностей человека.

Его философская мысль пришла к выводу, что человеческие сущности, населяющие нашу планету – это, собственно, личинки истинного Человека, коего на Земле еще нет и ко-ему лишь предстоит появиться путем разворачивания скрытых доселе потенциалов. Тема знатная!

Андрей Николаевич начал прилежно над ней работать, изучать литературу, сам писал статьи и печатал их, но эффект от этих статей был чуть менее, чем нулевой, ибо те, кто читает научные журналы и сборники, наверняка воспринимали подобные идеи сумасбродством, а те, кто мог бы заинтересоваться, этих сборников в глаза не видели... ну, а если по правде, горько усмехался Рябко, вряд ли кто-либо вообще читал его статьи.

Так текли годы. Кандидат философских наук Рябко читал лекции, писал статьи, искал источники к своей работе. Чем дальше, тем больше он убеждался в правоте своей генеральной идеи, он видел, что мысль витает в воздухе, задевает многих: что человек есть нечто значительно большее, чем он представляет в облике *Nomosapiens*. Настоящий Человек,

образ и подобие Божие, туго свернут в модернизированной, слегка выпрямленной обезьяне – но он есть, этот Человек! Есть и ждет своего часа.

Андрей Рябко хорошо понимал это. Но не хуже понимал и другое: нет никаких доказательств его правоты. Ни малейших. Строго говоря, у него нет вообще ничего, кроме собственной убежденности и чувства, что на Земле еще очень немного людей, которые смутно подозревают примерно то же самое, что он.

И это перевешивало отсутствие доказательств.

Да только ничего в жизни Андрея Рябко не менялось. Ну, почти ничего. Он стал доцентом. Все так же печатал статьи, не вызывавшие ни единого отклика, читал лекции, порядком ему поднадоевшие, завязывал отношения с женщинами, никогда не доводя дело до загса... Годы шли и шли.

Как преподаватель, Андрей жил в двух временных координатах: календарном и учебном годах, стало быть, новый год отмечал дважды: 1 января и 1 сентября. И осень привык воспринимать как начало: ясные, со слабеющим теплом дни сентября напоминали ему о текучем времени... было грустно, но хорошо так, светло грустно.

И вот, когда пришел один такой сентябрь, сильно повзрослевший Андрей Рябко – он заметил, что на улицах его перестали окликать «молодым человеком», а стали «мужчиной» – загрустил побольше, помассивнее прежнего. Ну вот, думал он – время идет, а толку что-то не видно... Потекли рабочие

будни, а потом, в начале октября образовалось недельное окно: занятий не было, и Андрей вдруг оказался свободен.

Он решил просто побродить по городу. Забрел в старый парк, любимое место многих поколений горожан. Ни о чем особо не думал, просто шел, наслаждался покоем, тишиной, и не заметил, как оказался в дальнем, самом глухом углу парка, где и тропки-то терялись в траве и кустах.

Андрей огляделся, немного удивился: ну и занесло! Вокруг был настоящий лес: мрачноватые ели, редкие березы между ними. Зачем-то он пошел к одной из них, подошел, приложил ладонь к стволу...

И ощутил, как некий ток побежал из живой сердцевины дерева в руку. Это поразило Андрея, он приложил другую ладонь, ощутил то же самое. Точно сама планета Земля через этот лес и эту вот березу восполняла в Андрее Рябко то, что он так муторно и бесплодно искал многие годы! Он и в самом деле почувствовал не только прилив сил, но и что-то еще – что он пока объяснить и понять не мог. Он воспринял себя как сосуд, в который влилась энергия внешнего мира – влилась порционно: раз – и остановилась на каком-то уровне. Наполнился сосуд!

Обрадованный, изумленный, Андрей заспешил домой и ему чудилось, что у него крылья растут – толкнись сильнее ногой и взлетишь... Он стал иначе смотреть на прохожих, люди казались другими, странно смотрели, кто-то подозрительно сворачивал в сторону – никогда раньше Андрей та-

кого не замечал. Удивлялся, конечно, хмыкал про себя. Зашел даже в магазин, приобрел четвертинку хорошего коньяку, посвятил ей одинокий вечер. Лег спать уже далеко за полночь и сразу уснул – как в яму. И снов не видел никаких.

Проснулся поздно, часов в десять. Занятий нет, день свободен. Позавтракав, Андрей решил прогуляться: сперва просто так, а потом навестить знакомую березку – встречу с ней он теперь ждал как встречу с лучшим другом.

Но все вышло иначе.

3

Андрей не спеша вышел на крыльцо, вдохнул поглубже. Ночью прошел дождь, воздух был резковато-терпкий, с запахом холодной земли, палых листьев, сырой древесной коры...

– Благодать, – негромко произнес Рябко.

И тут в блеклой серости ненастно-облачного дня боковой взгляд поймал странное ярко-красное пятно. Андрей живо повернул голову – метрах в ста от него быстро шагала стройная женщина в черной шляпке, черном пальто, черных сапогах – а не шее небрежно намотан, небрежно брошен через плечо пронзительно-алый шарф, яркий до неприличия, до вызывающей вульгарности. И Рябко сам не понял, отчего он вздрогнул, сбежал с крыльца и пустился вдогон.

Секунды спустя он спохватился. «Зачем это?..» – обалде-

ло спросил он и не нашел ответа. А сам все спешил, почти бежал за незнакомкой.

Та шагала необычайно быстро, хотя на вид и не скажешь. Андрей поймал себя на том, что ему ужасно хочется обогнать и заглянуть ей в лицо. И он уже не спрашивал себя: зачем?.. Не надо никаких вопросов.

Он пустился рысцой и начал нагонять женщину. Стремительно мелькнула пара дворов. Андрею стало совершенно ясно, что путь черно-красной дамы – к автобусной остановке на одной из самых крупных городских магистралей. До нее оставалось метров двести.

Андрей все-таки настигал цель. Погоня захватила философа, сердце его сильно билось. Расстояние сокращалось. Тридцать метров. Двадцать. Десять... Улица! Женщина вышла из подворотни на остановку. Ну, вот оно!..

Внезапно к незнакомке подскочил мальчишка – уличный приставайка, каких сотни – со всякими листовками, карточками и буклетами. Он сунул девушке какой-то цветастый фантик, та взяла, небрежно кивнула.

Тут и Андрей достиг остановки. Юнец с яркими бумажками напал на него:

– Посетите новый центр шопинга и развлечений! Любой товар на любой вкус! Кафе и рестораны русской, восточной, европейской кухни! Кинозалы, боулинг, бильярд, показ модных новинок этого сезона!..

Пацан протараторил это так, что у Андрея голова пошла

кругом, он машинально взял листок, взглянул туда... конечно, ни черта не понял. Стоял, тупо смотрел, а когда дошло, что теряет время, вздрогнул, вскинул взгляд...

И не увидел никого.

То есть, увидел-то увидел, целую толпу суматошного народа, но девушки-виденья с алым шарфом не было.

Рябко не поверил своим глазам. Он отвлекся на пять секунд, не больше. За это время она никуда не могла исчезнуть...

Но исчезла.

Рябко опять сделал то, чего от себя не ждал. Он бросился вокруг павильона остановки, обежал его весь – и конечно, впустую. Андрей и сам понимал, что это глупо, наваждение какое-то. Он присел на скамейку.

В руке держал забытую бумажку, даже не отдавая себе отчета в том, что он ее держит. Затем вспомнил, стал рассматривать.

Это была реклама нового торгового центра, Андрей слышал о нем, но никогда там не был. Так побывать, что ли, раз само в руки идет?..

И тут он замер. Шальная мысль поразила его. Само идет! А вдруг... вдруг так оно и есть?! Все это знаки, звенья одной цепи – они и сделали все так, что в руках у него оказалась эта бумажка, которая и сама знак. Подсказка: надо ехать в этот центр.

Мысль вошла в Андрея легко и просто. Он ощутил прилив

сил, очень похожий на тот, что был вчера в парке. Знаки! Очень верно. Все, еду!

И поехал.

4

Торговый центр был одним из многих, расплодившихся по городу в последнее время. Андрея они не интересовали, все шопинги-боулинги были для него пустым звуком. И теперь он с некоторым даже удивлением рассматривал роскошные, сияющие искусственными огнями дорогие бутики. Ну вот, прибыл. Что дальше?.. Подсказок пока не было.

Но он не сомневался, что будут.

Легкий голод стал пощипывать желудок, Андрей строго сказал себе: «Потом...» Сначала выяснить все, пройти по цепочке до финиша, а уж там можно и перекусить.

Подсказок, однако, все не было.

Рябко усмехнулся. Эй, тайна, покажись! Где ты? Хотя бы краешком... Здесь он вспомнил, как в детстве играли в «казаков-разбойников»: убегающая команда чертит мелом стрелки, а догоняющая по ним угадывает, где искать.

Андрей повернул вправо – и сразу же увидел стрелку.

Ярко-желтая стрелка на стене, с буквами, стилизованными под арабскую каллиграфию. «Звезда Шедар» – быстро, обещавшее неповторимые изыски восточной кухни.

Ну вот! Андрей чуть не рассмеялся. Сразу две подсказки:

чувство голода, а когда не догадался сразу, указатель ткнул так, что не ошибешься... Андрей бодро зашагал в «Звезду».

И по мере того, как шел, это бодрость стала превращаться в нечто, самому еще не ясное. Тревога? Беспокойство?.. Что-то вроде. Но не только.

Он шел и сознавал, что чувствует людей. Идущих рядом с ним, идущих навстречу – куда острее и точнее, чем раньше. Это было необъяснимо и внелогично, но было. Андрей шел и совершенно ясно знал, что вон та юная девушка влюблена, он нее шли прямо-таки волны счастья. А вон та мрачноватая дамочка запуталась в отношениях с мужем и еще двумя мужчинами и теперь проклинает тот день и час, когда по дурости и легкомыслию ввязалась в это и не знает, как выпутаться...

Других людей Рябко тоже чувствовал, но там ничего особенного: скучные мысли, мелкие заботы... Желтые стрелки аккуратно указывали в «Шедар», и чем ближе, тем сильнее нарастало волнение, точно шел Андрей не в забегаловку, а на конспиративную встречу, как в шпионском триллере. Вот показалось и быстро – людное, суетливое, множество папаш-мамаш с мелкими детишками. Когда Андрей перешагнул порог, сердце билось так, будто сейчас должно случиться что-то необычайное... нет, не что-то! Кто-то.

Кто-то здесь есть такой, от кого сердце готово выпрыгнуть из груди. Вот в чем дело. Кто-то.

Кто он?..

Андрей поймал себя на том, что норовит съежиться, стать незаметным. Боясь обернуться, он прошел к стойкам раздачи, набрал, не очень всматриваясь, всякой снеди. И все время чувствовал спиной опасную, враждебную силу. Взгляд?.. Нет, это не был взгляд. От кого-то из присутствующих исходил тяжкий душевный сумрак. У него, этого «кого-то» в душе была такая тьма, что лучше туда не заглядывать. Незачем нормальному человеку видеть такое.

Но кто же он, черт возьми?!

Рябко с усилием заставил себя отойти от стойки, повернулся с подносом в зал, ища свободный столик. Увидел, подошел, сел.

Волны опасности исходили из угла слева, и похоже, никто, кроме Андрея Рябко, их не ощущал. Андрей как можно непринужденнее занялся едой, глотнул соку, огляделся как бы невзначай. Слева от него расположилась бабушка с двумя малышами, подальше нежно мурлыкали о своем паренё с девушкой, а еще дальше...

А еще дальше неторопливо поедал люля-кебаб с рисом неприметный, щупловатый мужчина в легком сером свитере. Рядом с тарелкой лежал мобильный телефон, время от времени этот мужчина поглядывал в табло, один раз взял и что-то быстро набрал в ответ, после чего вновь взялся за еду.

Вот от него, от этого типа, и исходил пугающий сумрак, чего не замечал никто, даже он сам. Никто, кроме Андрея Рябко.

Который еще глотнул соку и с абсолютно спокойной отчетливостью понял: от этого человека тянет смертью.

И тогда Андрей перестал бояться. Он сказал себе: я должен проследить за ним.

А тот все ел, поглядывал в телефон, внимательно читал что-то там. Явно чего-то ждал. Не спешил и Андрей. Он не знал, что значит этот зов смерти, идущий от незнакомца, не знал, что будет дальше... но знал, что теперь не отпустит этого субъекта. Ни за что. Пойдет за ним – и будь что будет.

К этой минуте чутье Рябко обострилось настолько, что он предугадал, когда наблюдаемый встанет и выйдет. Андрей сам аккуратно доел, выпил сок, встал и вышел, краем глаза видя, как тот в очередной раз взглянул в табло, после чего встал, надел бежевую куртку, сунул телефон в карман.

Рябко неторопливо пошел вдоль витрин, разглядывая гламурные вещи. Вскоре бежевая куртка обогнала его – и вновь внутренний голос не подвел, вкрадчиво шепнув, что наблюдаемый идет к выходу. Андрей отпустил того метров на десять-двенадцать и побрел следом, втихомолку приглядываясь.

Тот и ростом оказался невысок – тщедушный мужичонка, каких тысячи. Пройдешь мимо и не взглянешь. Так почему же именно на него вывела незримая цепь? Почему от него, ни от кого другого так веет заgrabной жутью?!..

На вопросы Андрей ответить не сумел, а что касается неприметности, то очень легко возникла мысль, поразившая

простотой. Почему неприметный? Да потому что хочет быть неприметным! И умеет это делать. Обучен. Вот он идет, и ни один встречный на него не глянет. Кроме...

Никто бы не взглянул, все бы сошло, не окажись на белом свете философа Рябко с его внезапно обретенным даром соединять случайности в закономерности. Они соединились – невидимое стало видимым, человек, желающий быть незаметным, стал замечен и не знает этого...

Андрей разволновался от своих мыслей и утратил бдительность. Задумался, зашагал быстро, а когда спохватился, было поздно.

В тщедушной фигурке что-то изменилось. Возникло напряжение, какого раньше не было.

Заметил!

От этой мысли кинуло сперва в жар, потом в холод. Андрей сразу приотстал от объекта, хотя, похоже – поздняя метаться. Мужик если не распознал, то заподозрил нечто.

Его повадка неумовимо изменилась. Кто не знал – тот бы не заметил ничего. Но Андрей-то знал, он сразу разгадал иное в этой фигуре: в осанке, походке, в движеньях рук... Тот сунул руки в карманы и приостановился у зеркальной витрины – явно осмотреться. Ну точно! Так и есть.

Рябко ощутил, что предательски потек пот – по спине, под ремень. Пересохло в горле. Держись! Только держись! Не выдай себя ни взглядом ни жестом. Не прибавь шагу! И не убавь. Спокойно, Андрюха. Только спокойно!..

Никакой самый опытный психолог не сказал бы, что Андрей напрягся. Ни душевные бури, ни телесный жар не отразились на его лице. С беззаботным видом праздно гуляющего человека он прошел мимо носителя бежевой куртки, что-то внимательно разглядывающего в витрине. Мелькнула мысль: свернуть, пройти к выходу окольным путем. Но еще быстрее мелькнуло: нет! Столкнемся на выходе, сразу догадается. Лучше так.

И он пошел прямо. Не обернулся. Боже упаси! Но чуял – спиной, кожей чуял! – как тот украдкой смотрит вслед. Андрей уже знал, как себя вести. Так же непринужденно он дошел до эскалатора, стал на него, поехал вниз. Заставил себя зевнуть равнодушно, похлопав ладонью по губам.

Конечно, риск есть, думал он. Можно и потерять объект. Но судя по всему, тот тип жестко сжат во времени. Все смотрел на часы, все ждал чего-то... Пойдет, никуда не денется. Но будет предельно подозрителен. Будет искать подвох. Значит...

Значит, Андрей Николаевич, тебе предстоит сыграть самую главную в твоей жизни роль. И права на ошибку у тебя нет.

Он стал тверд и уверен в себе. Все сделаю!

Сойдя с эскалатора, он даже не стал глазеть по сторонам, тем более задерживаться. А у самого выхода свернул вправо, к газетному киоску, где стояла небольшая очередь.

Это было тоже рискованно. Но фарт есть фарт – сегодня

он решил Андрею улыбнуться. Какая-то тетка долго листала журналы по женскому рукоделью, задерживая очередь. Это мне на руку, это мне на руку... – твердил про себя Андрей, не озираясь, но чуя, как преследуемый спускается по эскалатору. Это на руку... – очередь добралась до него, он купил газету, отошел, развернул, хмыкнул деловито.

Этот прошел в двух шагах – и на улицу.

Андрей свернул газету, вышел за неизвестным и сразу сбежал с крыльца вправо, видя, что тот стал спускаться прямо. Андрея озарило вмиг: там, справа, еще один корпус, с зеркальными стеклами – оттуда видно, а туда нет. В два счета он достиг второго корпуса, проник внутрь и уж тогда с жадным нетерпением обернулся.

Взгляд мигом выхватил цель. Люди столпились у светофора, горел красный. По улице неслись машины. Мужчина в бежевой куртке зачем-то отступил в сторону, стоял один, отдельно от всех...

Ах, вот зачем!

Тот осторожно огляделся – как бы невзначай, но в самом деле, конечно, оценил обстановку. Взгляд задержался на зеркальных стеклах... Андрею ужасно захотелось съежиться в комочек.

А тот так и уставился, словно взгляд хотел пронзить стекло. Андрей все-таки сжался.

И тут же обозлился на себя, выпрямился. Какого черта?.. – хотел сказать он, но не успел.

Люди у светофора вдруг метнулись врассыпную, женский взвизг полоснул воздух. Это было дико! – потому что такого просто не могло быть. Но было.

Кто-то споткнулся, сшибся с другим, на асфальт упала сумка. Андрей обомлел: что это?! – но через миг все понял.

На тротуар вынесло неуправляемое авто – темно-синюю «Волгу». Ее швырнуло вправо, она ударилась колесом о бордюр, взлетела – Андрей ясно увидел, как передние колеса оторвались от земли.

Он застыл в ужасе. И время почти застыло. Очень медленно машина плыла в воздухе. Наблюдаемый смотрел прямо на Андрея. Андрей смотрел прямо на него – глаза в глаза.

В последний миг Андрею почудилось, что стекло исчезло и они увидели друг друга. Что-то мелькнуло в глазах мужчины. И это – все.

Время включилось. Темная туша «Волги» метнулась вправо, снесла человеческую фигуру и врезалась в столб.

Глава 2

1

Андрей разволновался от воспоминаний. Чай плеснулся на стол.

– Ах ты... Извините, – Рябко поставил чашку.

– Ерунда, – Максим вытер лужицу тряпкой. – Так... какая же мораль вашей истории?

– Мораль?! – Диму прорвало. – Да какая тут мораль! У того мужика судьба такая – умереть в тот день, так?

– Очевидно, да, – философ Рябко умел быть сдержанным в словах.

– А у вас, Андрей Николаич, значит, проснулся дар предчувствовать чью-то смерть? Да?.. Ну, с тех пор вы, конечно, научились управлять этим даром и зов смерти находите безошибочно по сумме примет. Так?

– Похоже, – бледно улыбнулся Рябко.

– Вот-вот. И если уж вас привело к нам... Правда, вчера мы вроде как перехитрили смерть, но это было вчера. А завтра – я в широком смысле – что нас ждет завтра?! Вы это увидели?

Андрей Николаевич чуть помедлил.

– Отчасти да. Но это не главное. Я к вам не с этим.

Максим ощутил, как от сердца малость отлегло. Парни переглянулись. Дима криво усмехнулся:

- То есть, ваш рассказ...
- Был предисловием. Введением в проблему.
- Ага. Ну, считаем, что введены. Что дальше?
- Слушайте.

2

Тогда, конечно, Андрей испытал шок. Да и все, кто там был: нелепая мгновенная смерть на глазах десятков людей – только что стоял человек, а теперь валяется исковерканный труп – это было дико, невысказано, и собственно, хотелось посильнее встряхнуть головой и проснуться...

На такой мысли поймал себя Андрей.

Кому-то стало дурно. Кто-то кинулся к разбитой машине, кто-то стал названивать в милицию, в скорую. Был ли в этом смысл – Бог весть, в каком состоянии оказался водитель «Волги», пассажиры, если они были там?.. Андрей вообще худо помнил это все. В некоем легком трансе он вышел из здания, вокруг царил полуистерика, никто не обратил внимания на человека, покинувшего место происшествия. Вернувшись домой, Андрей повалился на диван, так и пролежал до вечера. И аппетита не было. Все думал.

И пришел к выводу: да, с ним, Андреем Рябко, произошло необычайное. В результате прямого контакта с биосферой

он обрел способность улавливать в окружающем именно те признаки, что ведут к какому-либо важному событию. А что это за событие?..

Он не сразу решился выговорить: «смерть». Но тут уж пугайся-не пугайся, от сути дела не уйдешь. Этому типу судьба назначила сегодня умереть. За что, почему?.. Этого уж не узнаешь, но так есть, и хоть ты тресни. И эта самая судьба просигналила мне, и я сумел поймать эти сигналы и выйти точно туда, где все и случилось. В то время и в то место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.